СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА

МЛАДШІЙ ВОЗРАСТЪ.

ДЕКАБРЬ 1869 ГОДА.

То зеркало лишь хорошо, которое вѣрно отражаетъ.

ПЕТЕРГОФЪ.

Нептунъ.

Всѣ мы правыкли считать Петра Великаго какимъ-то олицетвореніемъ безпрерывной дѣятельности и неутомимаго трудолюбія. И это совершенно справедливо. Но съ другой стороны не должно думать что ему вовсе неизвѣстны были минуты пріятнаго отдохновенія и сладкихъ грезъ на рукахъ матери-природы. Взгляните на знаменитую лѣтнюю резиденцію нашей императорской фамиліи великолѣпный Петергофъ — и вы убѣдитесь, что геній мышленія не шелъ въ Петрѣ въ разладъ съ художественною изобрѣтательностью и требованіями чувствующей стороны человѣка. Конечно нынѣшній Петергофъ не то, что онъ былъ при Петрѣ Великомъ; однакожъ видъ его на дальній Финскій заливъ и его оригинальная черта, и одно изъ лучшихъ украшеній, фонтаны — существовали уже и въ то время. И нѣтъ сомнѣнія, что великій преобразователь Россіи не разъ предавался тихой задумчивости въ своемъ Монплезирѣ, смотря на

тихо дремлющія воды залива, подъ убаюкивающій плескъ фонтановъ и сонный шелестъ молодыхъ деревьевъ; бремя заботъ и тревожныхъ думъ сходило съ утомленной души — и въ ней становился такой же благодатный штиль, какъ и тотъ, надъ которымъ стояло голубое безоблачное небо и съ котораго вѣяло въ лице живительной лѣтней прохладой.

Вотъ наша первая мысль при словѣ: Петергофъ. Обратимся теперь къ нашей задачѣ — его описанію.

Петергофъ — уѣздный городъ Петербургской губерніи, въ 28 верстахъ отъ столицы, на южномъ берегу Финскаго залива. Городъ этотъ, какъ и всѣ уѣздные города, не великъ — въ немъ всего тысячъ 6—7 постоянныхъ жителей. Но если онъ не можетъ похвастаться величиною, то взамѣнъ того онъ обладаетъ такими достопримѣчательностями, которыя ставятъ его въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выше многихъ губернскихъ городовъ, и которыя вполнѣ заслуживаютъ того, чтобы посвятить имъ нѣсколько строкъ. Прежде чѣмъ мы будемъ говорить о теперешнемъ положеніи Петергофа и его достопримѣчательностяхъ, бросимъ взглядъ на его исторію.

Начало Петергофа связывается съ началомъ Петербурга. Въ первый разъ упоминается о Петергофѣ въ указѣ Петра Великаго 20 ноября 1707 г. Положивъ основаніе своей сѣверной столицѣ, Петръ задумалъ построить въ ея окрестностяхъ нѣсколько увеселительныхъ дворцовъ для членовъ своей фамиліи и одинъ для себя. Этотъ дворецъ долженъ былъ служить Государю мѣстомъ отдохновенія отъ его многочисленныхъ преобразовательныхъ трудовъ. Образцомъ вкуса и великолѣпія Петръ взялъ Версаль, считавшійся тогда чудомъ искусства и видѣнный Петромъ во время его путешествія за границу. Мѣстность для построенія была выбрана въ 17 верстахъ отъ Петербурга, на южномъ берегу залива, тамъ, гдѣ теперь Стрѣльна. Начались уже и приготовленія къ работамъ. Прежде всего нужно было провести воду для фонтановъ. Для доставленія ея Петръ Великій велѣлъ проводить каналъ изъ источниковъ деревень Глядиной и Забородья, которыя находятся въ 30 верстахъ отъ Стрѣльны. Но едва начали эту работу, какъ явилось соображеніе, что выгоднѣе упомянутой мѣстности для постройки загороднаго дворца мѣстность, занимаемая теперь Петергофомъ. Она была ниже первой и слѣдовательно представляла больше удобствъ и меньше хлопотъ при устройствѣ фонтановъ. Петръ пожелалъ лично удостовѣриться въ справедливости этаго мнѣнія, принадлежавшаго инженеру завѣдывавшему работами. Въ сопровожденіи одного изъ мѣстныхъ крестьянъ онъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ производилъ разслѣдованіе мѣстности, ходилъ по лѣсамъ и болотамъ. Мысль инженера была одобрена Петромъ.

Вслѣдъ за этимъ, подаривъ своей дочери Елизаветѣ Петровнѣ Стрѣльну, Петръ обратилъ работы на вновь избранный пунктъ. Уже прежде была здѣсь устроена на берегу небольшая пристань для сообщенія съ Кронштадтомъ и въ нѣкоторомъ разстояніи отъ ней двѣ такъ называвшіяся „свѣтлицы“ (заѣзжій дворъ). Теперь начатъ былъ водопроводъ для фонтановъ. Работы производились подъ личнымъ надзоромъ Царя. Въ 16 верстахъ отъ Петергофа, близь деревни Ольхиной, посреди Ропшинскаго лѣса, былъ построенъ домикъ, въ которомъ жилъ Государь во время производства работъ. Этотъ домикъ былъ извѣстенъ у крестьянъ подъ именемъ Петрова домика. Вокругъ него были раскинуты казармы для рабочихъ. Сперва рабочихъ было 900 человѣкъ; потомъ число ихъ увеличилось до 1,000, затѣмъ до 1,500 и наконецъ до 2,000. Дно канала выкладывалось дикимъ камнемъ, а земля изъ него сносилась на низменныя мѣста. Работы шли такъ успѣшно, что чрезъ 8 недѣль каналъ былъ готовъ. Получивъ извѣстіе объ этомъ, Петръ отправился къ Ропшинской мызѣ и собствен-

норучно заступомъ открылъ теченіе воды изъ рѣки Коваши въ только что оконченный водопроводъ. Къ 6 часамъ вода дошла до Петергофа, и тогда были пущены всѣ фонтаны и каскады. Что касается до устройства дворца и садовъ, то для выполненія этой задачи велѣно было пригласить изъ за границы искусныхъ архитекторовъ, механиковъ, машинистовъ, литейщиковъ, каменщиковъ, слесарей, рисовальщиковъ и др. Въ 1716 году лѣтомъ, когда Царь находился въ Пирмонтѣ, пріѣхалъ къ нему Кононъ Зотовъ, сынъ Никиты Зотова, воспитателя Государя и привезъ съ собою 18 человѣкъ разныхъ иностранныхъ мастеровъ и художниковъ съ подмастерьями. Петръ Великій долго съ ними разговаривалъ, желая узнать, въ какой степени каждый изъ нихъ силенъ въ своемъ мастерствѣ, и остался ими очень доволенъ. По этому случаю Петръ писалъ къ Меньшикову: „На сихъ дняхъ пріѣхалъ Кононъ Зотовъ и привезъ сюда (въ Пирмонтъ) съ собою изъ Франціи славнаго архитектора и механика Леблона и прочихъ мастеровъ, которые приняли нашу службу, и оныхъ на сихъ дняхъ къ вамъ отправилъ сухимъ путемъ. Онъ же отправилъ изъ Голландіи нѣсколько человѣкъ, мастеровыхъ же французовъ, разныхъ художествъ, въ Петербургъ моремъ, которымъ при семъ посылаемъ къ вамъ имянную роспись, и кто изъ нихъ какого художества. И какъ они въ Петербургъ пріѣдутъ, тогда примите ихъ въ свою протекцію съ ласкою, и опредѣлите ихъ по дѣламъ, дабы не гуляли, ибо имъ жалованье опредѣлено не малое; а по сколько кому, о томъ пришлемъ контракты ихъ впредь, которые нынѣ переводятъ.“ Архитекторъ Леблонъ, о которомъ упоминается въ этомъ письмѣ, произвелъ на Петра особенно пріятное впечатлѣніе. О немъ Петръ писалъ къ Меньшикову: „Доносителя сего (т. е. письма), г. Леблона, примите пріятно и по его контракту довольствуйте, ибо сей мастеръ изъ лучшихъ и прямою диковинкою есть, какъ я въ краткое время могъ его разсмотрѣть, къ тому-жь не лѣнивъ, добрый и умный человѣкъ, также кредитъ великій въ мастеровыхъ имѣетъ во Франціи, и кого надобно чрезъ него достать можемъ.“ Леблонъ былъ сдѣланъ генералъ-архитекторомъ, ему было положено 5000 руб. жалованья въ годъ, сумма огромная въ то время, дана „знатная“ квартира въ Петербургѣ, и отведено мѣсто для постройки ему собственнаго дома. Этому-то архитектору Петръ поручилъ составить планъ городскаго дворца. При многочисленныхъ занятіяхъ генералъ-архитектора, который долженъ былъ наблюдать за постройками въ новой столицѣ, онъ не могъ составить чертежей такъ скоро, какъ бы хотѣлось Петру, постоянно торопившему Леблона. Еще въ 1716 г. Петръ, собираясь за границу, писалъ Меньшикову: „зѣло прошу дабы прилежно надсматривать надъ петергофскою дорогою, дабы сего лѣта отдѣлать, и мнѣ бъ, аще Богъ изволитъ, сіе отдѣланное, пріѣхавъ, увидѣть.“ Петръ также заботился и объ устройствѣ садовъ. Такъ онъ приказалъ Меньшикову доставить изъ Эстляндіи липовыхъ, ясеневыхъ и другихъ деревъ. Находясь за границей, Петръ присылалъ огромные грузы деревъ для посадки въ дворцовыхъ садахъ. По его распоряженію изъ Амстердама отправлено было множество различныхъ растеній, цвѣтовъ и сѣмянъ; на реэстрахъ ихъ онъ собственною рукою отмѣтилъ, гдѣ что посадить. Петръ даже самъ работалъ при устройствѣ садовъ. Такъ разсказываютъ, что однажды у него были въ гостяхъ въ Петербургѣ какіе-то иностранные дипломаты; послѣ обѣда Петръ вдругъ предлагаетъ имъ, въ видѣ моціона, прорубить аллею въ одномъ изъ садовъ и, взявъ самъ топоръ, принимается за дѣло. Дипломаты, хоть это и не совсѣмъ приходилось имъ по вкусу, должны были послѣдовать примѣру государя. — Такимъ образомъ мало по малу были построены Эрмитажъ, Монплезиръ *) и

*) Монплезиръ былъ устроенъ раньше всѣхъ другихъ увеселительныхъ построекъ Петергофа.

*

другія зданія, въ томъ числѣ церковь во имя Благовѣщенія, и была проведена дорога въ Петербургъ. Убранство дворцовъ производилось подъ наблюденіемъ самого Государя. Изъ главнаго магистрата высылались въ Петергофъ столяры и рѣзчики. Фигуры фонтановъ исполнялись въ Римѣ. Въ большомъ гротѣ (близь Самсона) поставлено было нѣсколько стеклянныхъ колоколовъ, приведенныхъ въ гармоническое соотношеніе между собою. Звонъ въ нихъ производился посредствомъ паденія воды на колесо, находившееся въ соприкосновеніи съ молоточками колоколовъ. Колокола эти существовали еще при Аннѣ Іоанновнѣ. Что касается до лицъ, принимавшихся въ Петергофскомъ помѣщеніи Петра, то это былъ кружокъ близкихъ къ Государю лицъ, а также и знатные иностранцы. Посѣщать Петергофъ обыкновеннымъ лицамъ, безъ особеннаго разрѣшенія Государя, было запрещено, и только въ 1723 году открытъ былъ свободный доступъ въ него всѣмъ желающимъ. Пріѣзжающіе должны были исполнять слѣдующіе „пункты о Петергофѣ,“ написанные собственною рукою Государя:

I. Никто не имѣетъ ѣхать вкомпанію или послѣ, кому нумеръ постеле не данъ будетъ, развѣ съ такимъ дѣломъ, которое времени не терпитъ.

II. Людей своихъ, которые впяти классахъ, болѣе не долженъ взять, какъ одного. А которые ниже, никакого служителя.

III. Кому дана будетъ карта снумеромъ постели тотъ тутъ спать имѣетъ, не перенося постели, ниже другому дать, или отъ другой постели что взять.

IV. Неразуфся ссапогами или башмаками не ложиться на постели.

V. Равнымъ же образомъ по сему и съ яхтою поступать во всёмъ.

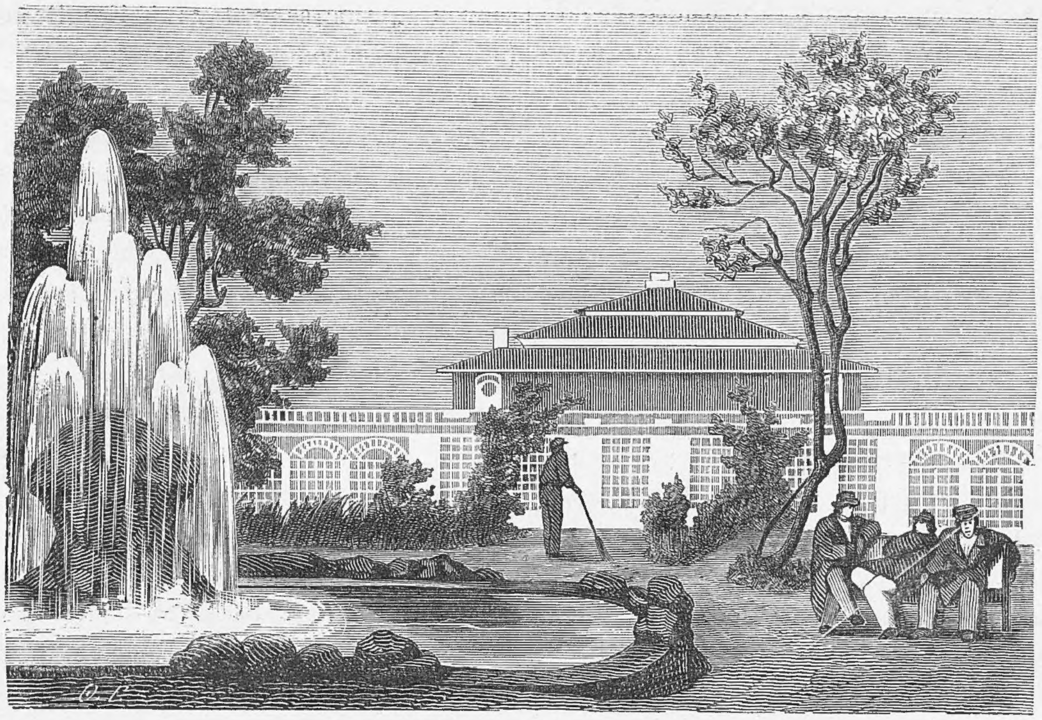
Яхта, о которой здѣсь говорится, принадлежала самому Государю, дозволявшему пріѣзжавшимъ въ Петергофъ кататься на ней.

Послѣ смерти Петра Великаго Петергофъ былъ преданъ забвенію, въ которомъ оставался до Елизаветы Петровны. Впрочемъ въ 1733 г. при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, любившей удовольствія, въ Петергофѣ, на мѣстѣ отобранномъ отъ князя Меньшикова, былъ устроенъ звѣринецъ съ садомъ. Въ этомъ звѣринцѣ находились тигры, барсы, кабаны, буйволы, американскіе олени, рассамахи, бобры, куницы и другія животныя. По желанію императрицы въ саду, вблизи звѣринца, была устроена возвышенность, которая носила названіе Темпля. Въ извѣстные дни государыня пріѣзжала въ звѣринецъ, и тогда, по ея приказанію, выпускали въ садъ кабановъ и гнали ихъ къ Темплю, гдѣ находилась государыня съ ружьемъ въ рукахъ. Какъ только кабанъ подбѣгалъ къ Темплю, императрица прицѣливалась, стрѣляла и звѣрь падалъ убитый, такъ какъ рука рѣдко измѣняла Аннѣ Іоанновнѣ. Иногда она охотилась въ петергофскихъ лѣсахъ за тетеревами, которыхъ тамъ было очень много. Для сопровождавшихъ ее охотниковъ были построены невдалекѣ отъ звѣринца четыре осьмиугольные домика, обложенные еловыми вѣтвями. Эти домики находились на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Александрія. Кромѣ звѣринца, при Аннѣ Іоанновнѣ были устроены 22 фонтана вдоль Гаванскаго канала, противъ Монплезира былъ устроенъ *драконовъ каскадъ,* а по сторонамъ его *римскіе фонтаны.* При Елизаветѣ Петровнѣ явились новыя украшенія Петергофа. Такъ въ 1745 году былъ построенъ театръ, называвшійся *Опернымъ домомъ.* Въ 1746 г. былъ перестроенъ большой дворецъ и построена каменная дворцовая церковь во имя св. апостоловъ Петра и Павла. Вообще нужно замѣтить, что Елизавета Петровна, хотя и предпочитала Петергофу свое любимое Царское село, однако, изъ уваженія къ памяти Петра, возобновила многое въ Петергофѣ и многое устроила вновь. При ней Петергофъ сравнялся съ своимъ прототипомъ Версалемъ. Сверхъ упомянутыхъ ея построекъ замѣтимъ

еще, что при ней было устроено нѣсколько новыхъ фонтановъ и вмѣсто деревянныхъ трубъ, проводившихъ воду фонтановъ, были устроены чугунныя.

Послѣ Елизаветы, въ кратковременное царствованіе Петра III, въ Петергофѣ не было произведено никакихъ улучшеній. Петръ III не любилъ Петергофа; онъ, какъ извѣстно, питалъ болѣе расположенія къ Ораніенбауму. Но Екатерина II, любя Царское село, не забывала и Петергофа. Въ ея царствованіе онъ испыталъ много перемѣнъ и улучшеній. Такъ до праздника, отбиралъ лучшихъ изъ кабановъ и оленей, откармливалъ ихъ и доставлялъ ко двору. Улучшая Петергофъ, Екатерина старалась привлекать туда посѣтителей. Она нарочно посылала приглашенія и повѣстки къ жителямъ Петербурга и даже Москвы.

Императоръ Павелъ также старался прибавить новыя украшенія къ существовавшимъ уже до него въ Петергофѣ. Дѣло его заботъ—великолѣпный *Львиный каскадъ* въ нижнемъ саду и новый фонтанъ въ верхнемъ



Монплезиръ.

въ 1773 г. была построена каменная *Знаменская церковь*, вмѣсто деревянной Благовѣщенской. Въ 1777 г. была построена вновь *шлифовальная фабрика*. Въ 1781 г. построенъ такъ называемый *Аглицкій дворецъ*, разведенъ около него садъ и построенъ *березовый домикъ*. Въ нижнемъ саду была устроена купальня. Не забывала Екатерина и звѣринца, разведеннаго при Аннѣ Іоанновнѣ. Она велѣла поддерживать его и ежегодно, къ пасхѣ, представлять ко двору пару кабановъ и оленей. Для этого форстмейстеръ, за двѣ недѣли

Нептунъ, эта первая изъ петергофскихъ диковинокъ, поражающихъ глаза входящаго въ верхній садъ съ большой проѣзжей дороги. Бронзовая фигура Нептуна была куплена въ Нюрнбергѣ за дорогую сумму. Противъ главнаго дворца были построены *два павиліона* изъ пудожскаго камня и 4 *сходныя лѣстницы*. Многія прежнія деревянныя украшенія сада были замѣнены новыми бронзовыми. Въ нижнемъ саду поставлено нѣсколько новыхъ статуй, частію купленныхъ въ Нюрнбергѣ, частію исполненныхъ русскими художниками:

Козловскимъ, Прокофьевымъ, Щедринскимъ и Мартосомъ. *)

Не менѣе обязанъ Петергофъ и Александру I, который постоянно выказывалъ попеченія о немъ. При немъ была устроена въ Петергофѣ образцовая *бумажная фабрика*, основанная имъ послѣ его путешествія въ 1814 году въ Англію, гдѣ онъ видѣлъ возбудившую его удивленіе фабрику братьевъ Фудринверовъ. Фабрика была выстроена подъ надзоромъ эстляндца Вистингсгаузена, котораго императоръ случайно встрѣтилъ въ Лондонѣ и который зналъ все необходимое, чтобы быть распорядителемъ предполагаемаго заведенія. Съ императора Александра начались великолѣпныя періодическія празднества 22 іюля, дня имянинъ матери императора Маріи Ѳеодоровны. По повелѣнію Александра, директоръ академіи художествъ Мартосъ отлилъ нѣсколько статуй для петергофскаго сада. Въ 1809 году были поселены близъ Петергофа 16 семей колонистовъ.

Императоръ Николай, особенно любившій Петергофъ, сдѣлалъ для него больше всѣхъ своихъ предшественниковъ. Онъ украсилъ его прудами, островами и построилъ въ немъ обширныя казармы и придворныя конюшни. Бумажная петергофская фабрика, приносившая прежде убытки, стала выдѣлывать при немъ превосходную бумагу всѣхъ сортовъ и заняла первое мѣсто между всѣми русскими бумажными фабриками. Въ царствованіе же Николая устроены: Соборъ во имя апост. Петра и Павла, *зданіе для городской полиціи*, каменное зданіе *почтовой конторы, военно-сухопутный госпиталь* съ церковью и *присутственныя мѣста*. При немъ же получили свое начало и шоссейныя дороги Петергофа. *Звѣринецъ* былъ перенесенъ въ *Аглицкій садъ*, а на его мѣстѣ основана Александрія.

Въ настоящее царствованіе также производились и производятся различныя улучшенія въ устройствѣ Петергофа. Изъ построекъ въ настоящее царствованіе исполнены: небольшая, но изящная церковь на такъ называемой „Собственной дачѣ Его Величества“ (это уже впрочемъ за Петергофомъ, по направленію къ Ораніенбауму), лютеранская церковь во имя апостоловъ Петра и Павла, каменная цвѣточная оранжерея въ Англійскомъ саду, каменная ванна въ Монплезирѣ; устроена желѣзная дорога, барономъ Штиглицомъ, дѣйствіе которой началось въ 1857 г., ея станціи, построенныя архитекторомъ Бенуа: Лигово, Сергій и Стрѣльна. Въ 64 году линія этой дороги проведена была до Ораніенбаума. Въ это же царствованіе переведено въ Петергофъ уѣздное училище изъ Ораніенбаума.

Сдѣлавши историческій очеркъ Петергофа, обратимся теперь къ болѣе подробному описанію его настоящаго положенія и начнемъ его съ верхняго сада.

Проѣзжая чрезъ Петергофъ по большой, петербургской дорогѣ, замѣчаешь въ правой сторонѣ высокую, длинную, съ каменными столбами ограду, съ огромными воротами по срединѣ. Это ограда верхняго петергофскаго сада. Садъ этотъ не великъ, всего 2,000 кв. сажень, но чрезвычайно красивъ. Онъ отличается чистыми широкими аллеями, осѣненными густыми вѣтвами столѣтнихъ липъ, превосходнымъ цвѣтникомъ и многочисленными фонтанами. Самый замѣчательный изъ нихъ „Нептунъ.“ Богъ морей, въ коронѣ и съ трезубцемъ въ рукѣ, величественно высится на пьедесталѣ, окруженный своей водяной

*) Есть разсказъ, помѣщенный въ Дневникѣ воспоминаній А. Томилина, что въ 1798 году, во время пребыванія царской фамиліи въ Петергофѣ, въ теченіи двухъ дней свирѣпствовала въ немъ такая страшная буря, что цѣлые ряды деревъ были вырваны съ корнемъ и повалены на землю. Рыба отъ сильнаго волненія опустилась на дно и такъ оставалась во все продолженіе бури. Когда она утихла, то императоръ Павелъ, любившій кататься около Марлинскаго пруда (близъ золотой горы), велѣлъ созвать рыбу для кормленья. Когда стали ее кормить, одинъ сазанъ, вѣроятно очень проголодавшійся, подплылъ къ самому берегу и выпучилъ глаза на императора. Замѣтивъ это, Павелъ обратился къ сопровождавшему его оберъ-егермейстеру Нарышкину и сказалъ: «видишь, и рыба знаетъ своего хозяина.» Замѣтивъ также, что прожорливыя щуки обижаютъ другую, болѣе смирную, рыбу, Павелъ велѣлъ всѣхъ ихъ выловить изъ пруда.

свитой, кидающей въ различномъ направленіи струи прозрачной воды. Прошедши этотъ фонтанъ и цвѣтникъ, выходишь на площадку передъ дворцомъ. Дворецъ этотъ, построенный Петромъ Великимъ, имѣлъ при немъ длины всего только 20 сажень. Елизавета Петровна выстроила при немъ на восточной сторонѣ пятиглавую церковь во имя апостоловъ Петра и Павла, а Екатерина II сдѣлала съ обѣихъ сторонъ дворца пристройки. Стиль дворца французскій, а церкви—византійскій. Крыши на нихъ изъ бѣлаго желѣза, а куполъ церкви вызолоченъ. Во дворцѣ множество замѣчательныхъ картинъ. Видъ изъ него на нижній садъ, съ его безчисленными фонтанами, густою зеленью деревъ и красивымъ каналомъ уходящимъ въ море, превосходенъ *).

Передъ дворцомъ со стороны нижняго сада находится красивая балюстрада и по сторонамъ ея двѣ широкія каменныя лѣстницы съ площадками, ведущія въ нижній садъ.

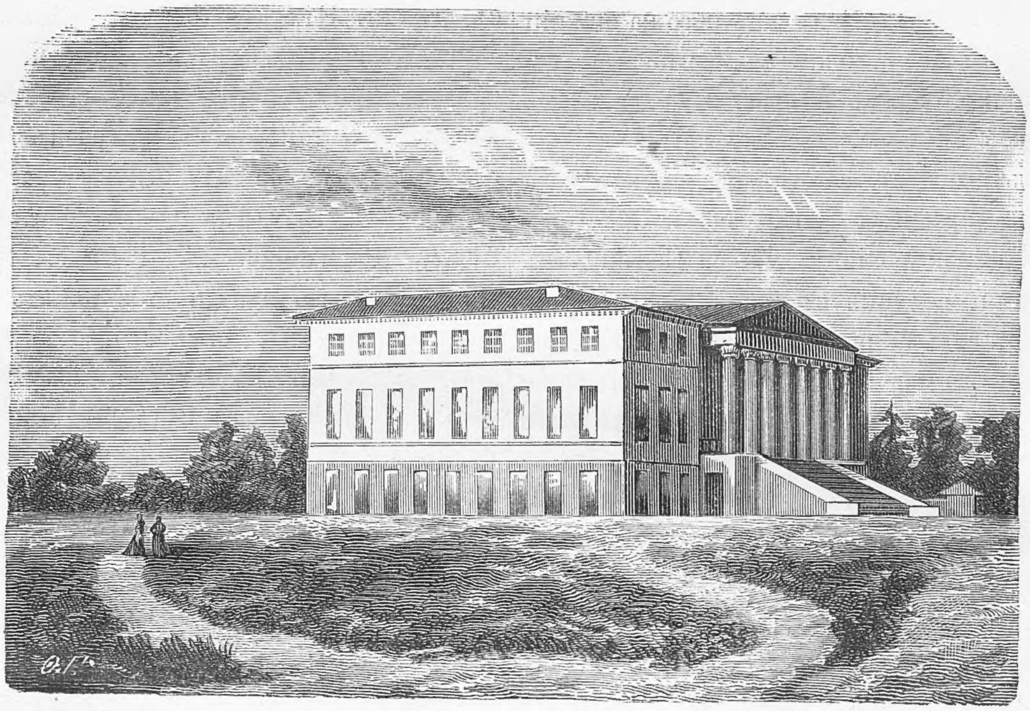
Нижній садъ обширнѣе верхняго. Ширина его простирается до 300 сажень, а длина имѣетъ болѣе 2 верстъ. Въ немъ болѣе всего сохранилось слѣдовъ отъ построекъ Петра Великаго. Лучшее его украшеніе — *Самсонъ*, съ окружающими фонтанами. Струя воды Самсона бьетъ вверхъ на 4 сажени и имѣетъ въ діаметрѣ $1^1/_2$ вершка. Прежде этотъ фонтанъ билъ выше крыши дворца, но такъ какъ при морскомъ вѣтрѣ брызги его достигали до дворцовыхъ стѣнъ, то Елизавета Петровна велѣла фонтанъ понизить. Теперешняя колоссальная статуя Самсона, раздирающаго льва, вылита изъ бронзы при императорѣ Павлѣ, по модели художника Козловскаго; прежняя статуя была свинцовая. Статуя представляетъ сильнаго человѣка, раздирающаго челюсти льва, изъ пасти котораго бьетъ фонтанъ, едва ли не единственный въ своемъ родѣ. Широкая струя воды, поднявшись на 28 футовъ, падаетъ на каменный пьедесталъ и стекаетъ въ обширный бассейнъ. При вѣтрѣ отъ водяного столба летитъ облако влажной пыли, на которой играетъ яркая радуга, если погода бываетъ солнечная. Вокругъ Самсона находится множество различныхъ фигуръ миѳологическаго міра, кидающихъ воду во всевозможныхъ направленіяхъ. Кромѣ того, отъ дворцовой террасы идутъ уступы, покрытые вызолоченными металлическими листами, по которымъ тонкимъ, зеркальнымъ слоемъ стекаетъ вода. Во время иллюминацій за этимъ слоемъ помѣщаются разноцвѣтные шкалики съ огнями. Эффектъ бываетъ удивительный. Внизу террасы — гротъ, который даже въ самую жаркую погоду сохраняетъ свою прохладу. — О томъ, когда устроенъ Самсонъ, говорятъ различно. По одному расказу онъ устроенъ Петромъ въ память Полтавской побѣды, одержанной въ 1709 г., 27 іюня, когда церковью празднуется память св. Сампсона. По другому, его устройство принадлежитъ Екатеринѣ I, которая, получивъ извѣстіе о побѣдѣ Петра надъ шведами при Гангудѣ, велѣла къ его пріѣзду устроить фонтанъ, какъ эмблему, представляющую Петра Самсономъ, а шведовъ—львомъ, которому онъ раздираетъ пасть. — По обѣимъ сторонамъ бассейна Самсона построены 2 мраморныя колоннады съ вызолоченными куполами. Надъ колоннадами устроены фонтаны, бьющіе изъ небольшихъ вазъ. Позади цвѣтныхъ газоновъ, въ углахъ, находятся 2 мраморные дивана, съ фигурами нимфъ, льющихъ изъ сосуда воду. Позади лѣваго павильона находится *Фаворитный фонтанъ*, состоящій изъ 4 двигающихся кругомъ утокъ и собаки. По срединѣ изображенъ крестьянинъ, играющій на свирѣли.

Мы видѣли большой Петергофскій дворецъ и Самсонъ. Отправимся теперь къ Монплезиру и Шахматной горѣ. Монплезиръ —дворецъ Петра Великаго, находящійся на берегу залива. Это одно изъ самыхъ старинныхъ зданій Петергофа. Дворецъ—голландской архи-

*) О большомъ дворцѣ Берхгольцъ писалъ: «комнаты его малы, но не дурны и увѣшаны хорошими картинами. Особенно замѣчательна библіотека царя изъ русскихъ и голландскихъ книгъ.» I, стр. 133.

тектуры, кеменный, сложенный изъ неокрашеннаго кирпича въ одинъ этажъ, съ окнами, доходящими почти до земли. Дворецъ состоитъ изъ 9 комнатъ. Въ спальнѣ хранится постель Петра, покрываемая его собственнымъ бѣльемъ и одѣялами. Кроват поставлена такимъ образомъ, что когда пробуждался Петръ, первымъ предметомъ бросавшимся ему въ глаза, былъ заливъ съ виднѣвшимся вдали Кронштадтомъ. Во дворцѣ замѣчательны также картинная петровская галлерея и кухня Елизаветы Петровны, любившей, какъ извѣстно, заниматься приготовленіемъ и изобрѣтеніемъ кушаній. Въ другихъ комнатахъ помѣщаются кабинетъ, 2 уборныя, зало, 2 гостиныя. Кромѣ этихъ комнатъ въ пристройкахъ ко дворцу находятся буфетъ, службы, ванна, баня Петра Великаго, и проч. Въ кухнѣ Монплезира обращаетъ на себя вниманіе посуда временъ Петра и большая печь съ таганами. Въ стѣнѣ дворца видны двѣ пули, которыя попали въ нее во время преслѣдованія Анною Іоанновною оленя, убѣжавшаго изъ звѣринца.—При дворцѣ есть садъ, украшенный фонтанами. Передъ дворцомъ, на сторонѣ, обращенной къ заливу, лежитъ терраса, выложенная мелкими плитами и обнесенная перилами. Эта терраса одно изъ лучшихъ мѣстъ Петергофскаго сада. Тишина ли на морѣ или волненіе—всегда находишь посѣтителей на террасѣ. И въ самомъ дѣлѣ, видъ съ этой площадки очень живописенъ. Въ ясную погоду видны очень отчетливо шпицъ Петропавловскаго собора и куполъ Исакіевскаго, а на противоположномъ берегу „Дубки", загородный дворецъ Петра Великаго, находящійся теперь въ частномъ владѣніи. Налѣво виденъ Кронштадтъ.

Невдалекѣ отъ Монплезира находится Шахматная гора или Драконовъ фонтанъ. Это громадный, испещренный бѣлыми и черными квадратами каменный скатъ, по которому льется огромная масса воды. Подлѣ горы идутъ, ведущія въ верхній садъ, лѣстницы. По окраинамъ ската бѣлѣются статуи, которыя, если смотрѣть на нихъ съ той или другой стороны горы, выдѣляясь на темномъ

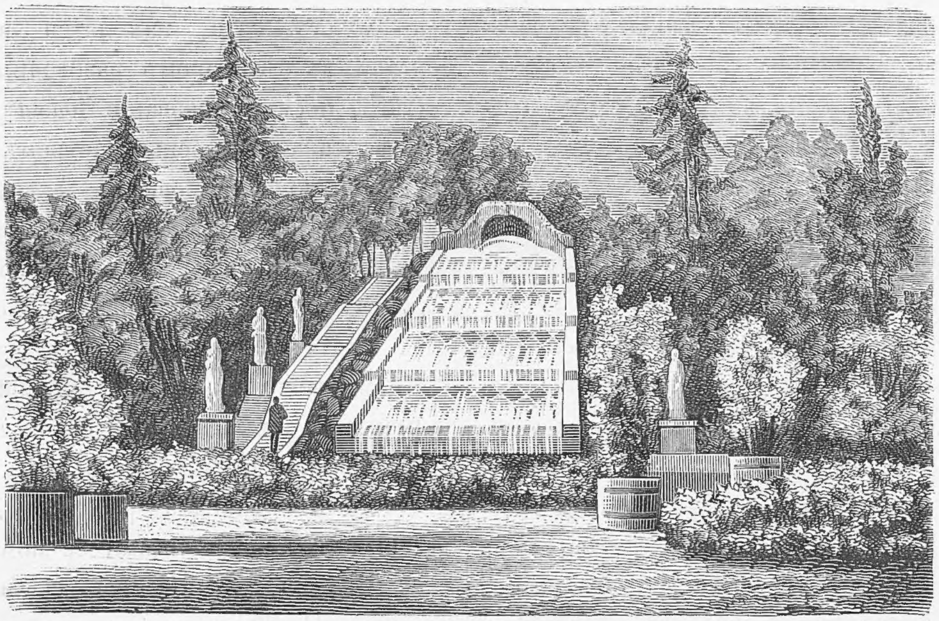


Англійскій дворецъ.

фонѣ массивныхъ елей, производятъ удивительный эффектъ. Невдалекѣ отъ горы находятся два римскихъ фонтана, устроенные при Аннѣ Іоанновнѣ. Фонтаны эти бьютъ изъ огромныхъ вазъ, стоящихъ на пьедесталахъ. Названіе свое они получили отъ сходства съ фонтанами, находящимися на площади св. Петра въ Римѣ.

Къ другимъ фонтанамъ, находящимся въ окружности, принадлежатъ: *Дубокъ*, *Елка*, *Грибокъ* и *Пирамидальный фонтанъ*. Дубокъ, выбрасывающій воду изъ листьевъ, устроенъ при Екатеринѣ II. Елка находилась первоначально въ Англійскомъ саду и перенесена въ Нижній садъ при императорѣ Павлѣ. Грибокъ устроенъ архитекторомъ Броугеромъ. Подъ грибомъ, съ окраинъ котораго падаетъ густымъ рядомъ струекъ вода, сдѣлана вокругъ скамейка. Пиримидальный фонтанъ, начатый при Петрѣ и оконченный при Павлѣ, представляетъ млечнобѣлую водяную пирамиду. Вода выходитъ изъ маленькихъ трубочекъ, число которыхъ соотвѣтствуетъ числу дней въ году. Фонтанъ этотъ очень красивъ, но требуетъ, по своей сложной конструкціи, постоянныхъ поправокъ.

Остальныя достопримѣчательности сада образуютъ *Марли*, *Эрмитажъ*, *Золотая гора* съ двумя большими фонтанами, *Львиный каскадъ*, *Адамовъ и Евинъ фонтаны*, *Песочный прудъ и купальня*. Марли—небольшой елизаветинскій дворецъ, находящійся на берегу красиваго четырехъ-угольнаго пруда, вырытаго при Петрѣ и имѣющаго 75 саж. длины и 37 ширины. При Петрѣ въ прудѣ содержались сазаны и карпы, а позднѣе язи, окуни, судаки и лещи. На прокормъ этой рыбы отпускались прежде по два куля муки въ годъ. По звонку колокольчика рыба подплывала ко дворцу и ловила куски хлѣба.—На мѣстѣ Марли, какъ говорятъ, находился прежде небольшой деревянный дворецъ, который Петръ называлъ *mon bijou*. Когда Марли былъ готовъ, въ него были перенесены изъ стараго Петровскаго дворца вещи Петра. Поэтому въ Марли можно найти много любопытныхъ старинныхъ вещей. Въ верхнемъ залѣ находится нѣсколько картинъ, привезенныхъ изъ Голландіи. На двухъ изъ нихъ изображенъ крестьянинъ съ женой, у котораго Петръ останавливался во время своего пребыванія въ Голландіи. Налѣво отъ зала



Золотая гора.

есть комната, гдѣ находится столъ работы самаго Петра, съ аспидною доскою наверху, на которой онъ дѣлалъ математическія выкладки. На право отъ зала другая комната, въ которой виситъ портретъ А. С. Матвѣева. Тутъ же стоятъ два голландскіе шкафа. Въ нижнемъ этажѣ находится спальня. Тутъ помѣщается подъ балдахиномъ кровать Петра Великаго; на ней постлано шелковое одѣяло, подаренное Петру китайскимъ богдыханомъ; тутъ же находится халатъ, присланный персидскимъ шахомъ, и коробка, сдѣланная Петромъ, въ которой хранятся карманные часы и портретъ Екатерины I. Въ нижнемъ этажѣ находится кабинетъ, въ которомъ висятъ портреты Алексѣя Петровича, Елизаветы Петровны и Анны Петровны, столовая, въ которой обращаетъ на себя вниманіе столъ орѣховаго дерева, разбирающійся по частямъ, и кухня, устроенная въ голландскомъ вкусѣ. Преданіе говоритъ, что два дуба, находящіеся по сторонамъ дворца, посажены самимъ Петромъ Великимъ. Невдалекѣ отъ Марли находится такъ называемый *Эрмитажъ* Петра Великаго. Онъ построенъ на самомъ берегу моря, въ два этажа, въ голландскомъ стилѣ. Въ одной изъ комнатъ Эрмитажа хранятся перенесенныя сюда изъ Марли петровскія *дубинки*. Въ верхнемъ этажѣ Эрмитажа въ одной комнатѣ устроенъ опускающійся въ кухню посредствомъ особаго механизма столъ, впрочемъ не во всѣхъ своихъ частяхъ, а только въ серединѣ, гдѣ ставится кушанье, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ помѣщаются приборы. Послѣдніе устроены такимъ образомъ, что отъ каждаго прибора проведенъ внизъ снурокъ со звонкомъ. Въ еще болѣе близкомъ разстояніи отъ Марли, чѣмъ Эрмитажъ, находится такъ называемая *Золотая гора*. Это обширный каскадъ, устроенный Петромъ Великимъ. Каскадъ украшенъ миѳологическими статуями и получилъ свое названіе отъ уступовъ, покрытыхъ мѣдными вызолоченными листами, по которымъ стекаетъ вода. При подошвѣ каскада находятся два огромные фонтана, трубки которыхъ имѣютъ 10 дюймовъ въ діаметрѣ. Высота ихъ равняется 25 футамъ.

Въ болѣе дальнемъ разстояніи отъ Марли находится *Львиный каскадъ*. Онъ представляетъ четырехугольное зданіе, въ видѣ греческаго храма, съ колоннами, между которыми бьютъ изъ двѣнадцати чашъ фонтаны. Въ срединѣ зданія находится бронзовая фигура нимфы, сдѣланная по модели графа Толстаго. Названіе свое каскадъ получилъ отъ 2 львовъ, украшающихъ зданіе. Устроенъ онъ, какъ сказано выше, императоромъ Павломъ. Отъ каскада идутъ двѣ дороги, одна къ Монплезиру, а другая къ Эрмитажу. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ эти двѣ дороги пересѣкаютъ главную дорогу сада, находятся два красивые фонтана, въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго, носящіе названіе *Адама* и *Евы*. Оба эти фонтана устроены Петромъ Великимъ или Анною Іоанновною, — положительно опредѣлить нельзя. Фигуры Адама и Евы сдѣланы весьма искусно и изъ превосходнаго мрамора. Близь фонтановъ устроены красивыя, легкія бесѣдки.

Кромѣ всего названнаго обращаетъ на себя вниманіе въ нижнемъ саду *купальня* имѣющая продолговатый круглый видъ. Она безъ оконъ снаружи и росписана разными деревьями и ландшафтами, дѣлающими ее почти незамѣтной. Внутри разставлены софы для отдохновенія. Самая купальня состоитъ изъ продолговато-круглаго водоема, имѣющаго около 20 сажень длины, 12 ширины и 2 глубины. Въ водоемъ сходятъ по лѣстницѣ. Внутри купальни устроена галлерея. Вода проведена въ купальню при помощи подземныхъ трубъ и бьетъ изъ фонтана въ видѣ шара, изъ котораго струи расходятся во всѣ стороны въ видѣ лучей, на подобіе солнца.

Обратимся теперь къ *англійскому саду*. Онъ устроенъ при Екатеринѣ II, которая предпочитала въ устройствѣ садовъ простоту искусственности. Въ одномъ письмѣ къ Вольтеру она писала, что ей не нравятся въ садахъ ни фонтаны, которые заставляютъ воду при-

нимать искусственное теченіе, ни статуи, которымъ, по ея мнѣнію, болѣе прилично находиться въ музеяхъ. Эта мысль проглядываетъ и въ устройствѣ англійскаго сада. Тутъ другъ природы и естественности будетъ вполнѣ въ своей сферѣ. По саду вьются безчисленныя, густо обставленныя громадными деревьями аллеи, по которымъ въ уютныхъ мѣстахъ расположены широкія скамейки, между группами деревъ тамъ и сямъ зеленѣютъ дѣвственныя лужайки, поросшія густой, цвѣтистой травой, а въ окрестности уединенно высящагося красиваго дворца блеститъ чистый, раздольный прудъ, съ котораго по временамъ раздается по окрестности звонкій крикъ испуганнаго лебедя. Построекъ въ Англійскомъ саду мало. Уединеннѣе смотритъ на окрестность его огромный дворецъ, да тамъ еще, въ лѣсной чащѣ, спрятался *берестовый домикъ*, извѣстный своими зеркальными стѣнами.

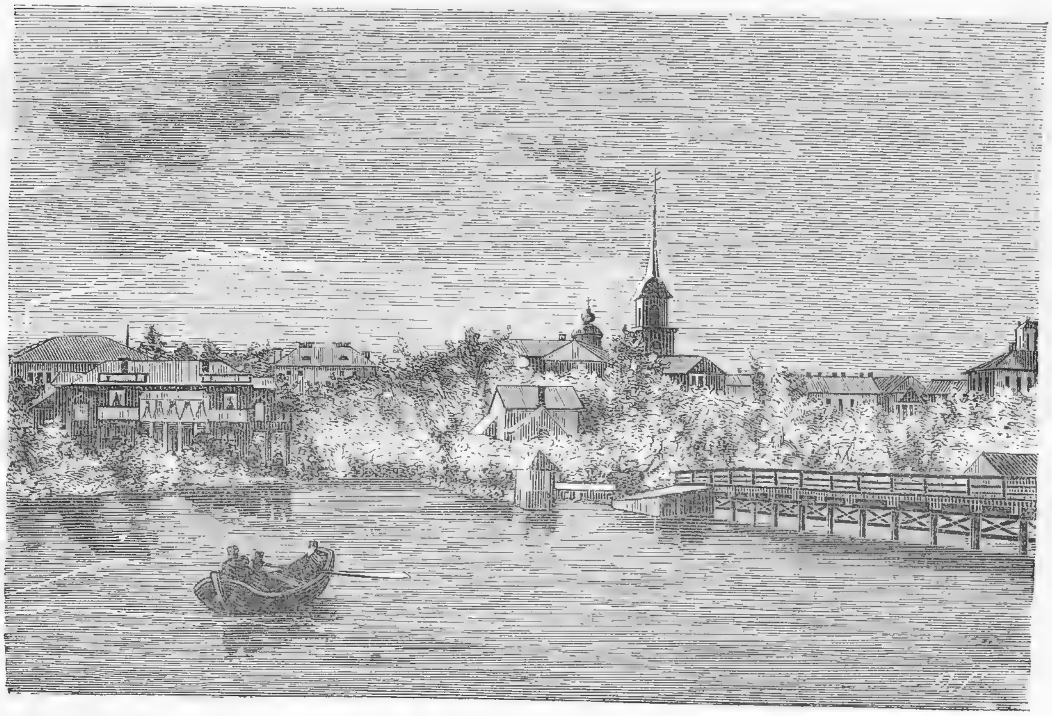
Дворецъ построенъ при Екатеринѣ II, въ 1789 году, по плану архитектора Гваренги. Въ немъ много замѣчательныхъ картинъ и портретовъ. Всегда безмолвный, дворецъ этотъ раза два въ концѣ лѣта вдругъ оживляется по случаю устроиваемыхъ въ немъ въ эту пору придворныхъ баловъ.

Что касается до берестоваго домика, то снаружи онъ ничѣмъ не замѣчателенъ: но за то, войдя въ него, поражаешься искуснымъ расположеніемъ зеркалъ, посредствомъ отраженія которыхъ предметы представляются въ такомъ отдаленіи, что кажется, будто бы они находятся въ разстояніи нѣсколькихъ саженей, между тѣмъ какъ они тутъ и есть. Въ одномъ старинномъ описаніи Петергофа говорится, что „изумленіе, въ которое приводимы бываютъ приходящіе въ домикъ, бываетъ столь велико, что иные зрители въ обморокъ упадаютъ и на открытый воздухъ выходить должны.“ За Англійскимъ садомъ, на южной сторонѣ, по теченію рѣчки, находится *Никольскій сельскій домикъ*, окруженный большими прудами, въ которые смотрятся развѣсистыя ивы. Домикъ этотъ построенъ Императоромъ Николаемъ. Невдалекѣ отъ него находится красивый павильонъ „Озерки“, устроенный также Императоромъ Николаемъ, по проэкту архитектора Штакеншнейдера, и получившій свое названіе отъ окружающихъ его озерковъ.

Мы осмотрѣли петергофскіе сады. Обратимся теперь къ самому городу. Это чистенькій, красиво построенный городокъ. Въ 1826 году онъ состоялъ изъ 2 слободъ и заключалъ въ себѣ до 200 дворовъ. Съ тѣхъ поръ, въ продолженіе царствованія Императора Николая, онъ постоянно расширялся и украшался. Многіе старые обывательскіе дома были перестроены на счетъ казны и много появилось новыхъ. Въ настоящее время Петергофъ раздѣляется на два форштата: *Петербургскій* и *Ораніенбаумскій*. Въ Петербургскомъ форштатѣ въ царствованіе Императора Николая, кромѣ многихъ другихъ зданій, устроена была каменная церковь во имя апостоловъ Петра и Павла, въ византійскомъ стилѣ. Въ Ораніенбаумскомъ форштатѣ въ тоже царствованіе появились: *военно-сухопутный госпиталь съ* церковью, *присутственныя мѣста*, *винный городокъ* и проч. При обоихъ форштатахъ были поселены колонисты. Въ эту же пору устроено было въ Петергофѣ много шоссейныхъ дорогъ. При нынѣ царствующемъ Государѣ построенъ *Петергофскій дворцовый госпиталь*, въ который принимаются больные всѣхъ сословій на счетъ 60 копѣечнаго сбора съ проживающихъ въ городѣ. Въ Петергофѣ кромѣ другихъ построекъ обращаетъ на себя вниманіе *театръ*, обширное деревянное зданіе на мѣстѣ бывшаго конно-гренадерскаго манежа. Онъ былъ открытъ въ 1837 г. Спектакли въ этомъ театрѣ даются только въ лѣтнее время. Замѣчательна также *гранильная фабрика*, устроенная Петромъ Великимъ, подъ именемъ *алмазной мельницы*. Существующее теперь каменное зданіе фабрики построено при Екатеринѣ II. На фабрикѣ обдѣлываются преимущественно

русскіе камни, какъ-то: граниты, порфиры, мраморы, агаты, яшмы и проч. Изъ нихъ выдѣлываются вазы, урны, табакерки, ножевыя ручки, камни для перстней и проч. На этой фабрикѣ сдѣланы внутреннія украшенія Исакіевскаго собора, всѣ мраморныя работы въ Нижнемъ Петергофскомъ саду по сторонамъ бассейна Самсона. Въ 1851 г. фабрикою были представлены на всемірную выставку мозаическіе столъ и шкафъ, и получили золотую медаль.

Близь Петергофа или почти въ самомъ Петергофѣ находится нѣсколько маленькихъ красивыхъ дворцовъ, такъ называемыхъ *павильоновъ*. Это павильоны на *Царицыномъ* и *Ольгиномъ* островахъ и *Озерки*. При входѣ на Царицынъ островъ находится дубъ съ бронзовой дощечкой, на которой видна надпись: „Вложенный жолудь снятъ съ дуба, осѣняющаго могилу незабвеннаго Вашингтона и поднесенъ въ знакъ величайшаго уваженія Его Величеству Императору Всероссійскому." „Американцы." Этотъ жолудь былъ посаженъ Императоромъ Николаемъ въ 1842 году. Отъ этихъ павильоновъ живописными аллеями, идущими по берегамъ прудовъ, приходишь къ *Бабигонамъ*, на высотахъ которыхъ красуется, господствующій надъ обширною окрестностью, *Бельведеръ*, дворецъ, построенный въ 1856 году. Зданіе дворца двухъ-этажное, въ греческомъ стилѣ. Находящаяся передъ портикомъ бронзовая группа, подаренная въ 54 г. прусскимъ королемъ, замѣчательна по аллегорическому смыслу, который нѣкоторые въ ней находятъ: она изображаетъ *Скифа*, намекающаго по нѣкоторымъ толкованіямъ на Россію, *Барса* (Австрія) и *Собаку*, тянущую Барса за ухо (намекъ на современныя дружественныя отношенія Пруссіи къ Россіи). Около Бельведера раскинутъ небольшой изящный садикъ. Видъ отсюда на окрестность чрезвычайно обширный. Въ Бабигонахъ есть кромѣ дворца красивая пятиглавая, недавно выстроенная, церковь. У подошвы бабигонскихъ возвышенностей, на сторонѣ обращенной къ Петергофу, лѣтомъ раскидываются лагерныя палатки, которыя придаютъ весьма оживленный видъ мѣстности.



Берегъ у пароходной пристани.

Что касается до населенія Петергофа, то постоянные его обитатели состоятъ изъ мастеровыхъ гранильной фабрики, солдатъ квартирующаго въ городѣ конно-гренадерскаго полка, разночинцевъ и друг. Мастеровые гранильной фабрики имѣютъ казенные домики, которые они отдаютъ лѣтомъ въ наемъ. Чтобы устроить какъ можно болѣе помѣщенія для дачниковъ, они пускаются на разныя хитрости, строятъ всевозможнаго рода клѣтушки и берутъ за нихъ большія деньги.

Красоты Петергофа уже издавна привлекаютъ къ себѣ толпы столичныхъ жителей. Здѣсь многіе петербуржцы проводятъ короткое сѣверное лѣто, сюда спѣшатъ на празднества тѣ изъ жителей сѣверной Пальмиры, которымъ средства не позволяютъ поселиться въ Петергофѣ на все лѣто. Теперь, когда устроена желѣзная дорога и существуетъ пароходное сообщеніе, проѣхать въ Петергофъ очень легко и пріятно. Но не то было тогда, когда не существовало между Петергофомъ и столицей правильнаго сообщенія: петербуржцы спѣшили полюбоваться на петергофскія диковинки кто какъ могъ — одни отправлялись въ каретахъ, на телѣгахъ, другіе въ яликахъ или катерахъ. Подобный образъ путешествія, кромѣ своего неудобства, былъ не безопасенъ: кареты ломались, лодки застигала буря, и происходили несчастія. 11 іюля 1839 г. особенно памятно плачевнымъ окончаніемъ петергофской гулянки: въ то время, какъ нѣсколько сотъ петербуржцевъ отправилось водою въ Петергофъ, поднялась буря, многія лодки путниковъ были потоплены, и погибло множество народа. Теперь подобныя несчастія уже немыслимы, и проѣхать въ Петергофъ можно въ настоящее время спокойно и удобно, заплативъ 50 коп. за мѣсто на пароходѣ, или 84 к. по желѣзной дорогѣ.

С. П. В.

СТАРЫЕ ЧАСЫ.

Въ моемъ кабинетѣ висятъ старые стѣнные часы, которые, по словамъ моего отца, висѣли еще въ кабинетѣ моего дѣда. Я привыкъ видѣть эти часы съ моего ранняго дѣтства. Если бы какимъ нибудь образомъ исчезли они изъ моего кабинета, — мнѣ было бы жаль ихъ, какъ жаль стараго друга. Я не замѣнилъ бы ихъ новыми, пусть лучше мѣсто на стѣнѣ, гдѣ они висѣли, осталось бы пусто. Каждый разъ, когда я взглядываю на эти часы, мнѣ приходитъ въ голову мысль: какое множество часовъ прозвонили они уже для меня! Сколько событій, сколько воспоминаній и пріятныхъ и досадныхъ, и веселыхъ и грустныхъ связано для меня съ ними! Благодарю только Бога за то, что они не напоминаютъ мнѣ ни одного дня, ни одного часа изъ моей жизни такого, которые легли бы на мою совѣсть тяжелымъ упрекомъ или чернымъ пятномъ на мое доброе имя.

Иногда, когда я одинъ отдыхаю отъ занятій въ моемъ кабинетѣ, когда все вокругъ меня тихо и голова моя свободна отъ серьезныхъ думъ, я невольно начинаю прислушиваться къ однообразному ровному стуку ихъ маятника, и вь памяти моей оживаютъ давно забытыя, иной разъ уже исчезнувшія съ лица земли личности, возстаютъ цѣлыя картины, эпизоды. Одинъ изъ такихъ эпизодовъ моего дѣтства и школьной жизни намѣренъ я разсказать здѣсь. Я хочу опять на часъ или на два превратиться въ ребенка.

Часы пробили семь часовъ утра. Охъ, какъ не любилъ я, когда проснувшись, отсчитывалъ я эти семь часовыхъ ударовъ! Они означали, что пора мнѣ вставать, одѣваться и отправляться въ школу. Я завернулся плот-

нѣе въ одѣяло и закрылъ глаза. Я зналъ, что это ни къ чему не поведетъ, зналъ, что вотъ сейчасъ придетъ въ спальню тетушка Улла (Ульрлика) и скажетъ мнѣ по шведски:

— Пора вставать, Саша, вставай, вставай скорѣе, не лѣнись.

И если я все таки буду нѣжиться, тетушка Улла безъ жалости сниметъ съ меня одѣяло и вытащитъ подушки, приговаривая:

— Мальчику стыдно спать такъ долго, рано вставать здорово. То-ли дѣло, какъ рано встанешь, цѣлый день будешь бодрый.

Тетушка Улла была очень добрая женщина, но со мною не нѣжничала, вѣроятно потому, что это, во первыхъ, не было въ ея характерѣ, а во вторыхъ, потому, что меня баловалъ отецъ. Матери я лишился рано. Отецъ мой былъ русскій, но мать шведка. Тетушка Улла была ее родная сестра и по смерти ея переѣхала къ намъ въ домъ, завѣдывала въ немъ хозяйствомъ и присматривала за мной. Мы жили въ Финляндіи, гдѣ отецъ мой занималъ служебное мѣсто. Мнѣ всегда казалось, что тетушка Улла не была одарена никакими человѣческими слабостями. Она всегда дѣлала то, что слѣдовало дѣлать. Было ли ей это пріятно или нѣтъ,—это ей было рѣшительно все равно. Напримѣръ, въ такой-то часъ надо ей было идти провѣдывать больную въ нашемъ околодкѣ, и тетушка Улла отправлялась, не смотря на то, что еслибъ шелъ проливной дождь, еслибъ вѣтеръ, такъ часто свирѣпствующій у насъ въ Финляндіи, почти валилъ прохожихъ съ ногъ. Даже гроза не помѣшала бы тетушкѣ Уллѣ идти туда ей было надо. Было у ней положено закономъ вставать всегда въ пять часовъ утра, и тетушка Улла всегда вставала въ этотъ часъ, была ли она здорова, или больна, ложилась ли наканунѣ въ девять часовъ, или въ часъ ночи. Положено было у ней варить по понедѣльникамъ рисовую кашу, а по субботамъ горохъ съ ветчиной, и я не помню ни одного понедѣльника, ни одной субботы въ моей дѣтской жизни, которые обошлись бы безъ этихъ блюдъ. Когда поспѣвала черника, тетушка Улла имѣла обыкновеніе отправляться тогда, нѣсколько дней сряду, вмѣстѣ съ нашей старой служанкой Вальпуръ *) въ лѣсъ и набирала тамъ какъ можно больше черники для того, чтобы насушить ее на зиму, и ничто не въ силахъ было отвлечь тетушку отъ ежедневнаго собиранія черники въ лѣсу. Недѣли три сряду, постоянно, каждое послѣобѣда ходила она съ Вальпуръ по лѣсу и возвращалась домой часовъ въ девять. Въ эти три недѣли, она никуда не ходила въ гости и не навѣщала даже своей закадычной пріятельницы Фрёкенъ **) Фабриціусъ, которую въ обыкновенное время имѣла привычку провѣдывать два раза въ недѣлю. Такъ точно поступала тетушка и въ отношеніи меня. Она говорила:

„Если я могу дѣлать то, что надо, отчего же ты не можешь.“ И ни подъ какимъ видомъ не дала бы мнѣ тетушка проспать до восьми часовъ. Иногда такое спартанское исполненіе обязанностей, бывало мнѣ очень тягостно и я возмущался всѣми силами противъ тетушкиной точности. Но это ни къ чему не вело. Она всегда-таки дѣлала по своему и заставляла и меня дѣлать то, что по ея мнѣнію было необходимо. Часто, еще наканунѣ ложась спать, обращался я къ Богу съ такой молитвой: „Господи! Господи! сдѣлай такъ, чтобы тетушка Улла проспала завтра. Хоть бы разочикъ только въ своей жизни проспала и дала бы мнѣ поспать подольше!“

Но Богъ никогда не внималъ этой молитвѣ.

— Ну, Саша, раздался голосъ тетушки, надъ моимъ ухомъ. Вставай, кофе готовъ. Горячій, славный кофе! И сливки какія густыя съ пѣнками. Сегодня къ обѣду гости будутъ, Вальпуръ напекла булокъ съ изюмомъ.

---

*) Варвара по фински.

**) Барышня по шведски.

Я всталъ ежась и морщась, и началъ одѣваться.

— Кто у насъ будетъ сегодня къ обѣду? спросилъ я тетушку.

— Господинъ Остейръ.

Я очень не любилъ этого господина Остейра, за то, что онъ всегда экзаменовалъ меня, трунилъ надъ тѣмъ, что называлъ моею лѣностью, и говорилъ мнѣ, что если я буду такъ учиться, какъ теперь, такъ вѣдь ничему не выучусь и когда выросту, такъ буду пастухомъ. Это очень оскорбляло мое самолюбіе, такъ какъ самолюбія во мнѣ было очень много, и когда онъ бывалъ у насъ, что по счастью случалось довольно рѣдко, я всегда старался улизнуть куда нибудь на нашъ широкой, большой дворъ, поиграть въ снѣжки съ товарищами, или въ садъ, гдѣ по зимамъ устроивали мы катальную горку. Напился я горячаго кофе съ густыми сливками. Правду сказать, я не очень торопился завтракать. Я зналъ, что чѣмъ скорѣе буду готовъ, тѣмъ раньше попаду въ школу. Охъ, эта школа! Я считалъ ее за большую мышеловку, для мальчиковъ и дѣвочекъ, которыхъ загоняли въ нее единственно для того, чтобы они не шалили дома и не мѣшали старшимъ. Какъ теперь смотрю я на большой каменный домъ, въ которомъ она помѣщалась. Когда я подходилъ къ нему, мнѣ всегда казалось, что его не пропорціональныя, маленькія окна смотрѣли на меня какъ-то лукаво, точно прищурясь, какъ будто дразнили и спрашивали: „что, небось не знаешь урока-то? Погоди, попадешься.“ Огромныя всегда настежь открытыя ворота зіяли, какъ пасть какого нибудь чудовища, которое разинуло ее затѣмъ, чтобы поглотить меня на цѣлое утро. А сестры, гувернантки въ нашей школѣ! Онѣ были такія сухія, прямыя, неподвижныя и всегда сидѣли на одномъ мѣстѣ, по концамъ двухъ черныхъ столовъ, всегда держали въ рукахъ перо, или грифель и никогда не улыбались,—никогда! Онѣ уцѣлѣли въ моей памяти, какъ два мраморныя изваянья, два надгробные памятника надъ тѣмъ счастливымъ періодомъ моей жизни, который невозвратно канулъ въ вѣчность. На нихъ всегда были однѣ и тѣ же коричневыя платья и онѣ всегда ставили меня въ одинъ и тотъ же уголъ. Размышляя обо всѣхъ этихъ непріятныхъ предметахъ и твердя сквозь зубы нѣмецкія слова, съ сумкой въ рукѣ, вышелъ я изъ калитки на улицу. Было славное осеннее утро! Правда, что листъ съ деревьевъ совсѣмъ уже опалъ, и вѣтви ихъ торчали обнаженныя, какъ метлы, но за то солнце сіяло ярко и чуть-чуть подстывшія лужицы и канавки блестѣли, какъ зеркало и напоминали о близости зимы, снѣга, коньковъ, снѣжныхъ человѣчковъ, которыхъ мы дѣлали на дворѣ, о катальныхъ горкахъ, о салазкахъ, о Рождествѣ и прочихъ зимнихъ праздникахъ со всѣми ихъ удовольствіями. Я бодро прошелъ нашу улицу, увлекшись мечтами обо всѣхъ этихъ прелестяхъ, и повернулъ на форштатскую дорогу, которая черезъ старинныя ворота въ крѣпостной стѣнѣ вела въ городъ.

— Здравствуй, Саша, раздалось вдругъ сзади меня.

Я обернулся. Это былъ мой товарищъ Петя, который также съ сумкой въ рукахъ отправлялся въ ту же мышеловку.

— А, Петя, здравствуй! сказалъ я, обрадовавшись встрѣчѣ. Какъ ты думаешь, не попробовать ли намъ покататься, вонъ на той большой лужѣ подъ горушкой? Посмотри, какъ она славно застыла.

— Провалимся, отвѣчалъ Петя.

— Пустяки! Большой человѣкъ, конечно провалится, а мы не провалимся, потому что мы маленькіе, мы легче большихъ.

Петя былъ не глупый мальчикъ, но его всегда легко можно было заставить сдѣлать глупость, такъ какъ онъ былъ безхарактерный и всегда легко поддавался на чужіе совѣты.

— Попробуемъ, прибавилъ я и побѣжалъ подъ горушку.

Петя также побѣжалъ, опередилъ меня, со всего размаху вбѣжалъ на лужу и на самой серединѣ ся провалился въ воду.

— Видишь, ты какой гадкій! ты научилъ меня! заплакалъ Петя.

— А ты зачѣмъ послушался, отвѣчалъ я. Да еще прежде меня поспѣлъ къ лужицѣ.

— Да все ты...

— Что я? Вѣдь я же тебя не толкалъ въ лужу?

Я помогъ ему выкарабкаться изъ лужи. Ноги его были мокры, но идти домой онъ не смѣлъ, такъ какъ дома стали бы бранить его за шалости. Что было дѣлать? Бѣдный мой Петя сѣлъ на камушкѣ подъ горушкой, снялъ сапоги, вылилъ изъ нихъ воду и выжалъ чулки. Мнѣ было жаль его. Но помочь ему я ничѣмъ не могъ, потому что, еслибъ я явился съ нимъ къ намъ въ домъ, то тетушка Улла распекла бы насъ обоихъ и разсказала бы еще все его матери. Мнѣ и въ голову не приходила тогда мысль о томъ, какъ дурно было увлекать другихъ въ такіе поступки, которые могутъ принести имъ вредъ.

Просидѣвъ нѣсколько минутъ и погоревавъ, Петя опять обулся, и мы пошли съ нимъ дальше въ городъ. Мы прошли крѣпостныя ворота и очутились на широкой, обстроенной красивыми каменными домами улицѣ, которая вела къ мосту. Съ крыльца одного изъ этихъ домовъ сошла и пошла по одному направленію съ нами, только впереди насъ, полная, хорошо одѣтая дама.

— Петя, а Петя, сказалъ я, посмотри-ка, вѣдь это бургомистерша.

— Она, отвѣчалъ Петя.

— Я ее терпѣть не могу, сказалъ я.

— За что же?

— Да за то, что она всегда ходитъ задеря голову и смотритъ свысока, точно ужь и Богъ вѣсть, какая она важная птица. Я бы желалъ знать, что она думаетъ о другихъ.

— Да я думаю ничего, отвѣчалъ Петя.

— Нѣтъ, ничего не думать нельзя. Папа всегда говоритъ, что всѣ люди что нибудь да думаютъ. Вотъ коровы, такъ тѣ не думаютъ, и лошади тоже. Я желалъ бы знать, что подумаетъ бургомистерша про насъ, когда мы пройдемъ мимо нея?

— Не все ли тебѣ равно, что она о тебѣ подумаетъ?

— Петя! вскричалъ я вдругъ, вдохновленный внезапной мыслью, которая показалась мнѣ очень умной. Знаешь что? Помнишь ты французскую басню, которую мы учили?

— Какую?

— Ну эту „Maître corbeau sur un arbre perché“. Я ее такъ славно знаю, всю отъ начала до конца. Ни въ одномъ словечкѣ не запнусь, потому что меня Каролина Деге за нее ровно четыре раза въ уголъ ставила.

— Ну, такъ что же?

— А вотъ что. Давай разговаривать по французски, когда поровняемся съ бургомистершей.

Петя вытаращилъ на меня глаза. Надо сказать, что хотя всѣхъ насъ учили въ школѣ по французски, но никто изъ насъ не умѣлъ пикнуть на этомъ языкѣ ни слова. Вообще же французскій языкъ въ нашемъ городѣ считался такою рѣдкостью, что кто умѣлъ говорить на немъ, про того говорили съ особымъ уваженіемъ и даже съ нѣкотораго рода удивленіемъ. Знаете ли, вѣдь онъ, или она умѣютъ по французски говорить. Я былъ тоже увѣренъ, что французскій языкъ есть верхъ человѣческой премудрости, и потому-то мнѣ захотѣлось озадачить имъ всегда свысока смотрѣвшую на другихъ бургомистершу. Я очень хорошо зналъ, что она не говорила на этомъ языкѣ.

— Какъ же мы будемъ говорить? спросилъ Петя.

— А вотъ какъ. Я тебѣ скажу, напримѣръ: „maître corbeau“, а ты отвѣчай: „sur un arbre perché“ и кивни головой и руками размахни, точно будто мы съ тобой о чемъ нибудь толкуемъ. Потомъ я тебѣ скажу: „tenait dans son bec, а ты отвѣчай: „un fro-

mage“ и покачай головой, вотъ такъ. И я отрицательно замоталъ головой. Какъ будто ты не соглашаешься со мной, будто мы споримъ. Ну начнемъ же.

И я началъ. Петя, понялъ чего я хотѣлъ, и мы оба повторяя басню, вошли мало по малу въ пассію. Мы оба горячились, размахивая руками. Петя краснѣлъ, какъ ракъ, и качалъ отрицательно головой, какъ маятникъ. Мы декламировали басню громко, нисколько не помышляя о томъ, что могутъ же встрѣтиться намъ люди, которые знаютъ на столько по французски, что поймутъ нашу продѣлку. Проходившіе мимо насъ чухны таращили на насъ глаза отъ удивленья. Это намъ очень нравилось и еще больше подстрекало насъ. Мы храбро пролетѣли мимо бургомистерши, взглянувъ на нее изъ подлобья и только посильнѣе еще замахали руками и замотали головой.

Не знаю удивило ли въ насъ бургомистершу знаніе французскаго языка. Это и до сихъ поръ осталось для насъ тайною. Мы вышли уже на мостъ и храбро продолжали морочить прохожихъ, по крайней мѣрѣ воображали, что морочимъ ихъ. До школы оставалось уже недалеко. Вдругъ, въ ту самую минуту, когда я съ особеннымъ выраженіемъ сжавъ кулакъ и размахивая имъ, какъ будто противорѣчіе Пети раздражало меня, вскричалъ: „Que vous êtes joli, que vous me semblez beau“, сзади насъ раздался громкій хохотъ. Этотъ хохотъ точно окатилъ насъ съ головы до ногъ холодной водою. Мы оба прикусили языкъ и обернулись. Взади насъ шелъ врагъ мой, господинъ Остейръ. Я покраснѣлъ чуть не до самой макушки.

— Какъ вы славно говорите по французски, проговорилъ Остейръ.

Его насмѣшливая улыбка такъ запала мнѣ въ душу въ ту минуту, что и до сихъ поръ, когда я, вотъ теперь, припоминаю этотъ эпизодъ изъ моего дѣтства, Остейръ такъ и стоитъ передо мною, будто живой. Длинный, сухой, съ продолговатымъ блѣднымъ лицомъ, впалыми щеками, горбатымъ носомъ и острымъ подбородкомъ, онъ какъ будто смотритъ на меня своимъ умнымъ, проницательнымъ взглядомъ. Только теперь отдаленность времени и житейская опытность смягчили въ моемъ воображеніи этотъ взглядъ и эту улыбку. Я вижу въ нихъ, сквозь насмѣшливость, его добрую, хорошую душу, не терпящую никакого обмана. Но тогда! О! тогда, Остейръ показался мнѣ настоящимъ скорпіономъ. Не отвѣчая ему ни слова, потому что отвѣчать было нечего, и даже не поздоровавшись съ нимъ, я только пихнулъ локтемъ Петю и пошелъ такъ скоро, какъ только позволяли мои маленькія ноги. Петя не отставалъ отъ меня. Мы шли, не говоря ни слова и даже не оглядываясь, до самыхъ воротъ школы. Только тутъ перевели мы духъ и рѣшились оглянуться. Остейра уже не было видно.

— Ахъ, Петя! произнесъ я съ горечью, теперь бѣда мнѣ будетъ отъ него, онъ всѣмъ разскажетъ, всѣмъ! Будетъ дразнить меня.

— Да вѣдь ты же самъ все это выдумалъ, отвѣчалъ плачевно Петя. Конечно будетъ! И меня тоже.

— Да тебѣ-то что! отвѣчалъ я, ты когда-то еще его увидишь, а у насъ онъ сегодня обѣдать будетъ. У насъ сегодня вафли будутъ съ вареньемъ. Очень нужно дѣлать для него вафли! Охъ! кабы я былъ на мѣстѣ тетушки Уллы, я никогда не сдѣлалъ бы вафли, когда онъ у насъ обѣдаетъ. Сдѣлалъ бы овсяную кашу въ этотъ день.

Въ школѣ цѣлое утро это непріятное событіе не выходило у меня изъ головы. Благодаря ему, нѣмецкія слова, которыя я и безъ того зналъ плохо, вылетѣли окончательно изъ моей головы, и меня поставили изъ за нихъ въ уголъ. Замѣчательно то, что я никакъ не хотѣлъ приписать всѣхъ этихъ несчастій самому себѣ, то есть: моей глупой хвастливости, а обвинялъ въ нихъ Остейра. Во всемъ, по моему мнѣнію, былъ виноватъ онъ, одинъ онъ. Часъ ухода изъ школы былъ для меня всегда очень пріятнымъ часомъ. Я спускался

по лѣстницѣ, прыгая черезъ двѣ или три ступени, и, достигнувъ крѣпостныхъ воротъ, пускался обыкновенно бѣгомъ въ перегонку съ товарищами. Но въ этотъ разъ я шелъ по лѣстницѣ тихо, повѣсивши голову и вовсе не торопился придти домой.

— У насъ Остейръ? было первое слово, съ которымъ я обратился къ Вальпуръ, когда она отворила мнѣ дверь.

— У насъ, отвѣчала она. Онъ въ столовой съ вашимъ папашей.

Я не торопился бѣжать къ моему отцу, какъ всегда дѣлалъ это, возвращаясь изъ школы, а прошелъ въ маленькую комнатку, гдѣ жили мы съ тетушкой Уллой. Здѣсь я началъ вынимать изъ сумки и приводить въ порядокъ мои тетради и книги. Затѣмъ, когда окончилъ это, принялся убирать маленькій шкапикъ, въ которомъ хранились разныя мои вещи. Тетушка Улла, войдя въ эту комнату, пріятно улыбнулась, заставъ меня за этимъ занятіемъ. Она часто читала мнѣ проповѣди за неаккуратность, и потому такая заботливость о моихъ вещахъ очень изумила ее.

— Пойдемъ обѣдать, Саша, сказала она мнѣ. Супъ уже подали, папа въ столовой сидитъ.

Дѣлать было нечего. Съ стѣсненнымъ сердцемъ пошелъ я въ столовую. Я чувствовалъ какъ вспыхнули мои щеки, когда я вошелъ въ нее. Онъ сидѣлъ тутъ, за столомъ и прехладнокровно ѣлъ селедку и сыръ. Я поздоровался съ отцемъ и съ нимъ, и смиренно сѣлъ на мое мѣсто, потупивъ глаза. Я не смѣлъ поднять ихъ.

— Вотъ, думалъ я каждую минуту, сейчасъ начнетъ. Вотъ только доѣстъ этотъ кусокъ сыру.

Но кусокъ сыра доѣдался, а Остейръ не обращалъ на меня по видимому никакого вниманія и продолжалъ толковать съ моимъ отцомъ о томъ, сколько лѣсу отправилъ купецъ Боргманъ за границу прошедшее лѣто и сколько онъ расчитываетъ отправить на будущее. Подали супъ, Остейръ мой и послѣ супу не обратилъ на меня вниманія. Лицо его было серьезно, ни малѣйшаго поползновенія къ насмѣшкѣ не было видно ни въ глазахъ его, ни на губахъ. У меня немножко отлегло отъ сердца.

— Ну, подумалъ я, авось смилуется. Онъ замѣтилъ, какъ я покраснѣлъ, ему вѣрно стало жаль меня. Ахъ! Ахъ, какой былъ бы онъ добрый, еслибъ ничего не сказалъ папѣ объ этомъ? Мнѣ кажется, я бы полюбилъ его за это.

Подали и жаркое, а Остейръ все продолжалъ толковать съ отцемъ моимъ о промышленности нашего края, и я почти повеселѣлъ и началъ бойко посматривать во всѣ стороны. Въ перспективѣ меня уже не столько страшилъ Остейръ, сколько улыбались мнѣ вафли съ вареньемъ.

— Тетя, спросилъ я, обращаясь къ тетушкѣ Уллѣ, какое будетъ варенье къ вафлямъ?

— Красная смородина, отвѣчала она.

Лучше бы я никогда не дѣлалъ этого вопроса! Голосъ мой обратилъ на меня вниманіе Остейра.

— А ты любишь варенье? спросилъ онъ меня.

— Люблю, отвѣчалъ я, снова потупивъ глаза.

Сердце мое зачуяло что-то недоброе.

— Гмъ! Это не дурно! варенье хорошая вещь, сказалъ Остейръ. — А по Французски любишь говорить? спросилъ онъ вдругъ.

Я не зналъ, что отвѣчать. Я чувствовалъ, какъ къ глазамъ моимъ подступаютъ уже слезы, но заплакать мнѣ ни за что не хотѣлось. Остейръ выбралъ самую жестокую минуту для своего обличенья, потому что вошла Вальпуръ съ блюдомъ горячихъ вафлей. Понятно, что онѣ не могли уже теперь показаться мнѣ такими вкусными.

— Представь, сказалъ Остейръ, не подождавъ отъ меня отвѣта и обращаясь къ моему отцу, какой я тебѣ разскажу забавный случай. Сегодня иду я въ городъ — вижу

впереди меня идутъ два мальчика и о чемъ-то очень съ жаромъ разсуждаютъ между собою, громко, и такъ размахиваютъ руками, точно будто, Богъ вѣсть, какой важный вопросъ рѣшаютъ. Это меня очень заинтересовало. О чемъ, думаю, разсуждаютъ они съ такимъ жаромъ? На мосту почти поравнялся я съ ними и сталъ прислушиваться. Какъ бы ты думалъ, о чемъ они толковали? Они просто разговаривали по французски, да только очень мудренымъ образомъ. Басню вдвоемъ разсказывали другъ другу про „Ворону и Лисицу". Одинъ скажетъ слово изъ басни, а другой продолжаетъ, будто отвѣчаетъ ему. А руками-то размахивали и горячились единственно для того, чтобы обморочить всѣхъ прохожихъ, чтобъ всѣ думали: „какія, вотъ молъ, умныя дѣти! такія маленькія, а такъ хорошо говорятъ по французски!" Умора просто! Чухны-то въ самомъ дѣлѣ таращили на нихъ глаза, да и всякій по неволѣ обращалъ на нихъ вниманіе, только жаль, что они пересолили немножко, слишкомъ ужь горчились. Этимъ-то самымъ они себя и выдали.

— Можетъ ли это быть? сказалъ мой отецъ очень серьезнымъ тономъ.

— Я тебя увѣряю.

Отецъ мой покачалъ головой.

— Ну, сказалъ онъ, мнѣ это не нравится. Я былъ бы очень недоволенъ, еслибъ мой сынъ вздумалъ такъ морочить людей.

Кусокъ вафли почти сталъ у меня въ горлѣ. Я такъ нагнулся надъ тарелкой, что только что не касался ее носомъ.

— Конечно, продолжалъ отецъ мой, шалости простительны ребенку и свойственны по лѣтамъ. Но всякая шалость, въ которой есть уже обманъ, хотя бы и самый легкій, выходитъ уже изъ ряда шалостей и становится чѣмъ-то хуже нея. Это очень гадко, даже безчестно заставлять людей думать о насъ лучше, чѣмъ есть на дѣлѣ. Не бѣда, если мальчикъ не говоритъ по французски, но если захочетъ увѣрить другихъ, что онъ говоритъ на этомъ языкѣ и употребитъ для этого обманъ, то это становится уже бѣдою, потому что такъ и начнетъ онъ съ дѣтства пріучаться къ лживости. Не знаю, какъ другіе отцы, а я бы скорѣе простилъ моему сыну всякую другую шалость, происшедшую отъ вѣтренности, нежели умышленный обманъ. Да, да, прибавилъ мой отецъ, кивнувъ головой, я былъ бы очень недоволенъ, еслибъ мой Саша вздумалъ выкинуть такую штуку, какъ эти мальчики, про которыхъ ты говоришь.

Затѣмъ разговоръ перешелъ на другой предметъ и о нашей продѣлкѣ съ Петей не было больше и помину. Но то, что сказалъ отецъ мой, сильно поразило меня. До сихъ поръ мнѣ и въ голову не приходило, что въ моей шалости былъ обманъ. Очень былъ я радъ, когда кончился обѣдъ и всѣ встали изъ-за стола. Я побѣжалъ въ маленькую, отдаленную комнатку, гдѣ у тетушки Уллы стояли шкапы и сундуки. Тамъ далъ я волю слезамъ, которыя съ большимъ усиліемъ удерживалъ до сихъ поръ. Вдругъ мнѣ пришло въ голову, что вѣдь я опять нѣкоторымъ образомъ обманываю отца. Я не сказалъ ему кто были эти мальчики, говорившіе по французски. Отецъ мой сказалъ, что былъ бы очень недоволенъ, еслибъ это сдѣлалъ я, слѣдовательно, онъ никакъ не думаетъ, что это именно-то я и былъ. Онъ лучшаго обо мнѣ мнѣнія, нежели я есть на дѣлѣ.

Чѣмъ больше думалъ я объ этомъ, тѣмъ яснѣе становилось мнѣ, что я поступилъ бы честно, еслибъ сознался отцу. Но какъ сознаться? Какъ идти самому говорить про себя вовсе не лестныя для себя вещи? Конечно, я зналъ, что отецъ не накажетъ меня за это, но при этомъ сильно бы пострадало мое самолюбіе. Я просидѣлъ до самаго вечера въ пустой комнатѣ, собираясь съ духомъ самому изобличить себя. Наконецъ я рѣшился принести мое самолюбіе въ жертву честности. Съ твердою рѣшимостью пошелъ я къ отцу. Онъ сидѣлъ одинъ въ своемъ ка-

бинетѣ. Остейръ уже ушелъ. Я сказалъ отцу, кто были эти мальчики, про которыхъ говорилъ Остейръ, и такъ тяжела была для меня минута этаго признанья, что я и до сихъ поръ еще помню ее. Отецъ почти не прибавилъ ничего къ тому, что уже сказалъ за обѣдомъ. Онъ только повторилъ мнѣ, что всякій обманъ безчестенъ, хотя бы и самый маленькій и самый извинительный по наружности.

Этотъ эпизодъ памятенъ для меня тѣмъ, что съ тѣхъ поръ я началъ внимательнѣе наблюдать за моими поступками и пріучаться разбирать и остерегаться всякаго поползновенія къ обману.

Опять напоминаютъ мнѣ часы одно утро изъ моей дѣтской жизни, только на этотъ разъ—это было не осеннее, а прекрасное лѣтнее утро. Въ этотъ разъ, когда пробило семь часовъ, тетушкѣ Уллѣ нечего было уже будить меня. Я вскочилъ самъ очень охотно. Во первыхъ, изъ окна, противъ котораго стояла моя постель, видѣнъ былъ нашъ дворъ, покрытый во многихъ мѣстахъ травою, какъ зеленымъ бархатомъ. Сквозь низенькій частоколъ привѣтливо улыбался мнѣ, подъ солнечными лучами, нашъ садъ. Далѣе, совсѣмъ на горизонтѣ мелькала тоненькая, голубоватая полоса Финскаго залива. Все это манило меня на свободу, на просторъ, на свѣжій воздухъ. Къ тому же этотъ день былъ днемъ моего рожденія. Мнѣ исполнилось девять лѣтъ. Правду сказать, я былъ тогда очень неравнодушенъ къ подаркамъ, которые мнѣ дѣлывали въ этотъ день. Они всегда возбуждали во мнѣ любопытство.

Я вскочилъ съ постели, проворно вымылся, одѣлся и вошелъ въ столовую. Я остался очень доволенъ подарками. Отецъ подарилъ мнѣ нѣсколько книгъ, въ числѣ которыхъ были разсказы путешественниковъ. Я страстно любилъ описаніе разныхъ путешествій и отдаленныхъ земель. Кромѣ книгъ, подарилъ онъ мнѣ еще рыболовный снарядъ, до котораго я давно добирался. Тетушка Улла подарила мнѣ большой ящикъ красокъ.

Первымъ моимъ дѣломъ было бѣжать къ озеру, которое находилось въ двухъ верстахъ отъ нашего дома, уже за городомъ, чтобы попробовать мои удочки.

— Саша, сказалъ мнѣ отецъ мой, когда я собрался уже въ путь, приходи скорѣе домой. Въ одиннадцать часовъ я пойду съ тобою въ одно мѣсто.

— Куда, папа? спросилъ я.

— Ну, этого я тебѣ не скажу, узнаешь послѣ, это тебѣ сюрпризъ будетъ.

Я отправился къ озеру съ моимъ другомъ Петею и двумя еще другими сосѣдями товарищами. Ловля наша была удачна. Крючки моихъ удочекъ оказались превосходными. Я поймалъ на нихъ довольно большаго окуня. Съ тріумфомъ принесъ я его домой.

— Ну, теперь одѣвайся, Саша, сказалъ мнѣ отецъ.

— Куда мы пойдемъ?

Этотъ вопросъ сильно занялъ меня. Я обращался за рѣшеніемъ его и къ тетушкѣ Уллѣ, и къ Вальпурѣ, но ни та, ни другая не могли ничего сказать мнѣ. Вальпуръ только предполагала, что отецъ мой хочетъ свести меня на мызу къ почтмейстеру, съ которымъ былъ друженъ. Но меня это предположеніе ничуть не обрадовало. У почтмейстера не было дѣтей, и когда случалось, что меня брали къ нему, то мнѣ всегда было очень скучно. Тетушка Улла приготовила мнѣ мой самый нарядный костюмъ. Я одѣлся, и мы съ отцомъ вышли на улицу.

— Куда жъ мы пойдемъ, папа? опять повторилъ я.

— Въ городъ, отвѣчалъ отецъ.

— Куда въ городъ? Зачѣмъ въ городъ?

Я почти всю дорогу ломалъ голову надъ рѣшеніемъ этого вопроса. Наконецъ, на углу одной улицы, увидѣлъ я на заборѣ наклеенное, длинное объявленіе.

— Прочитай-ка это, сказалъ отецъ мой, останавливаясь передъ нимъ.

Я сталъ читать. Объявленіе было сдѣлано трупою вольтижеровъ, прибывшихъ не задолго до того въ нашъ городъ. Въ немъ было сказано, что 22-го іюня, въ 12 часовъ утра, трупа будетъ имѣть честь дать представленіе публикѣ, въ нарочно устроенномъ для сего случая циркѣ на городской площади. 22 іюня былъ именно день моего рожденія.

— Вотъ, мы туда и пойдемъ, сказалъ мнѣ отецъ.

— Въ этотъ циркъ, папа?

— Да.

Я былъ очень радъ. Представленіе вольтижеровъ было для меня совершенной диковиной. Въ нашемъ городѣ мало было общественныхъ удовольствій. Въ девять лѣтъ я не имѣлъ понятія ни о театрѣ, ни о циркѣ, ни даже о балаганахъ. Случалось только лѣтомъ, что заѣзжали иногда какіе нибудь странствующіе аферисты. Такимъ образомъ видѣлъ я великана, видѣлъ панораму Іерусалима и нѣкоторыхъ другихъ городовъ. Видѣлъ даже одного фокусника, показывающаго изумительные фокусы. Но вольтижеровъ не видѣлъ еще никогда и не имѣлъ о нихъ понятія. Самое представленіе, какъ и ожидалъ отецъ мой, привело меня въ совершенный восторгъ. Кромѣ вольтижеровъ, въ представленіи участвовали также попеременно съ ними акробаты. Ловкія штуки, которыя выдѣлывали акробаты на канатѣ, понравились мнѣ еще больше, нежели скачки вольтижеровъ. Возвратясь домой, я съ жаромъ разсказалъ обо всемъ, что видѣлъ, тетушкѣ Уллѣ и Вальпуръ, и нѣсколько дней сряду акробаты не выходили у меня изъ головы.

— Знаешь, Саша, сказалъ мнѣ однажды отецъ, когда почтальонъ принесъ ему какое-то письмо и онъ прочелъ его, — въ будущемъ мѣсяцѣ къ намъ пріѣдетъ твоя тетя и двоюродный братъ твой, Миша.

Тетя моя, сестра моего отца, жила въ Петербургѣ. Каждое лѣто пріѣзжала она къ намъ на нѣсколько недѣль вмѣстѣ съ Мишей. Миша былъ старше меня только однимъ годомъ. Онъ учился въ Петропавловской школѣ, и учился такъ хорошо, что отецъ мой всегда ставилъ мнѣ его въ примѣръ прилежанія. Миша зналъ уже очень много для своихъ лѣтъ и по крайней мѣрѣ въ двадцать разъ больше меня. Его ученость была для меня нѣмымъ укоромъ. Въ похвалахъ, съ которыми отецъ мой говорилъ про него, было что-то, какъ будто намекающее мнѣ на то, что и мнѣ ничто не мѣшало быть такимъ же ученымъ, какъ Миша. Не скажу, чтобы я не любилъ его, но его превосходство во всемъ надо мною оскорбляло мое самолюбіе. Вѣсть объ его пріѣздѣ заставила меня призадуматься.

— Опять, подумалъ я, будетъ онъ меня спрашивать, знаю ли я то, знаю ли я другое.

Очень не нравилось мнѣ, когда Миша экзаменовалъ меня, потому что вопросы его безпрестанно ставили меня въ тупикъ.

— Хоть бы въ чемъ нибудь, подумалъ я, могъ бы я отличиться передъ нимъ. Хоть бы разъ удалось мнѣ заткнуть его за поясъ. Эта мысль не давала мнѣ покою. Наконецъ таки я придумалъ, чѣмъ отличиться передъ Мишей и удивить его. Онъ былъ очень неловокъ. Походка его была очень мѣшковатая, къ тому отъ природы онъ былъ застѣнчивъ, что еще увеличивало его неловкость. Тетѣ моей это не нравилось въ немъ, и она часто называла Мишу „мой медвѣжонокъ“. Это выраженіе заставляло его конфузиться. Я зналъ, что Миша былъ бы не прочь отъ того, чтобы быть половчѣе. Онъ мнѣ самъ признавался, что для него ничего не было хуже танцкласса.

— Лучше бы, говаривалъ онъ иногда, десять другихъ уроковъ, чѣмъ эти проклятые танцы.

— Да развѣ это такъ мудрено, замѣчалъ я ему тогда. Ты бы поучился отъ товарищей.

— Учился, отвѣчалъ Миша, да еще какъ учился-то! Сначала все думалъ, что какъ нибудь выучусь. Въ рекреаціонное время

заберусь, бывало, въ дортуаръ съ какимъ нибудь товарищемъ, который хорошо умѣетъ танцовать, и до того выдѣлываю па, что потъ градомъ покатится, а все толку мало. Нѣтъ, ужь мнѣ никогда не выучиться. Нынче я ужь рукой махнулъ.

Но это онъ говорилъ только такъ. Я зналъ, что онъ вовсе не махнулъ рукой, и что его неуклюжесть подчасъ бывала ему очень досадна.

— Постой же, подумалъ я, я тебя озадачу въ нынѣшній твой пріѣздъ моею ловкостью.

Во мнѣ шевельнулось гадкое чувство. Мнѣ хотѣлось возбудить въ Мишѣ зависть, чтобъ отмстить ему хоть бы чѣмъ нибудь за его превосходство надо мною. Съ этою цѣлью я выдумалъ упражняться въ акробатическомъ искусствѣ. Я натягивалъ въ саду на деревьяхъ толстую веревку и пробовалъ выдѣлывать на ней разныя акробатическія штуки. Сначала я натягивалъ веревку пониже, а потомъ все выше и выше. Я выучился въ самое непродолжительное время раскачиваться, держась за нее руками и потомъ кувыркаться на воздухѣ. Это искусство давалось мнѣ несравненно легче, нежели ученье. Потомъ я сталъ учиться ходить по ней съ шестомъ въ рукѣ. Нѣсколько разъ я падалъ, но такъ какъ веревка была натянута довольно низко, то я не ушибался и эти паденія нисколько не обезкураживали меня. Дѣло шло чѣмъ дальше, тѣмъ лучше. Можетъ быть изъ меня вышелъ бы со временемъ великій акробатъ, еслибы одинъ печальный случай не отбилъ бы у меня всякую охоту къ этому артистическому поприщу.

Дѣло было въ воскресенье послѣ обѣда. Тетушка Улла ушла въ гости и оставила не запертою кладовую, гдѣ у ней хранились разные запасы, затѣмъ, чтобы провѣтрить ее. Это была большая, свѣтлая и сухая комната, вся заставленная разными принадлежностями хозяйства. Тутъ стояли: кадушки съ масломъ и творогомъ, висѣла копченая говядина и баранина, по обычаю финляндцевъ, приготовляемая дома, разные сорты вяленой, копченой рыбы, мѣшки съ горохомъ, мукой и крупами, банки и горшки съ вареньемъ и проч. Поперегъ ея отъ одной стѣны къ другой стоялъ родъ вѣшалки. Въ верхнія ея части былъ вложенъ, поперегъ, длинный шестъ и на немъ были нанизаны лепешки изъ ржаной муки. Эти лепешки для истыхъ финляндцевъ замѣняютъ хлѣбъ. Наша Вальпуръ не могла жить безъ нихъ, да и сама тетушка Улла любила ихъ. Лепешки эти нарочно приготовляются съ просверленными на срединѣ отверстіями, для того, чтобы можно было нанизывать на шестъ. Онѣ сохраняются такимъ образомъ очень долго и подъ конецъ дѣлаются твердыми, какъ камень. Но чѣмъ онѣ тверже, тѣмъ болѣе онѣ приходятъ по вкусу финнамъ. Ихъ ѣдятъ размачивая въ кисломъ молокѣ.

Сначала, когда тетушка Улла ушла, я игралъ на дворѣ съ другомъ моимъ Петею и его сестрой Машей. Случайно побѣжалъ я зачѣмъ-то въ комнату и увидѣлъ растворенныя двери кладовой, которая, какъ будто, гостепріимно манила своими горшками и банками и другими лакомствами. Славно было поворовать въ ней въ отсутствіе тетушки Уллы. Минута была самая удобная, такъ какъ некому было смотрѣть за нами. Отецъ мой сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, а Вальпуръ, сидя въ кухнѣ за кухоннымъ столомъ, который былъ такъ чисто вымытъ къ празднику, что блестѣлъ, какъ слоновая кость, — читала нараспѣвъ молитвенникъ. Напротивъ ея на столѣ сидѣла, по обыкновенію, ея любимая, черная кошка Гета, и также заглядывала въ книгу. Все это подмѣтилъ я въ окно, когда возвращался съ комнаты во дворъ.

— Слушай-ка, Петя, сказалъ я моему другу, пойдемъ въ кладовую. Она стоитъ отворена настежь, а тетушки Уллы нѣтъ дома. Мы тамъ полакомимся. Тамъ и варенье есть и ягоды сушеныя, и чернословъ. И Маша пойдетъ съ нами.

— А если кто нибудь застанетъ насъ тамъ? спросилъ Петя.

— Некому. Тетушки Уллы нѣтъ дома, Вальпуръ уткнула носъ въ молитвенникъ и ничего теперь не видитъ и не слышитъ, а папа въ кабинетѣ.

Друзья мои не долго колебались и всѣ трое на этотъ разъ осторожно, на цыпочкахъ пробрались въ кладовую. То-то пошло у насъ веселье! Развязали мы тетушкины мѣшки, раскупорили банки и принялись лакомиться. Потомъ туго набили карманы всякими сушеными ягодами и собирались было выдти изъ кладовой, какъ вдругъ шестъ съ лепешками внушилъ мнѣ несчастную мысль, то есть: она оказалась несчастною только впослѣдствіи, но въ ту самую минуту, когда пришла мнѣ въ голову, я счелъ ее самою счастливою. Петя не разъ участвовалъ въ моихъ акробатическихъ упражненіяхъ въ саду.

— Знаешь, вскричалъ я, взглянувъ на шестъ, вотъ гдѣ надобно попробовать кувыркаться-то, какъ акробаты. Выдернемъ-ка палку, да снимемъ съ нея лепешки.

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, сказалъ Петя, на шестѣ должно быть ловчѣе.

— Да какъ же!

— Только не къ чему снимать лепешки, замѣтилъ Петя, тутъ ихъ немного, можно отодвинуть въ сторону, онѣ намъ не помѣшаютъ.

Сказано, сдѣлано. Мы живо подставили къ шесту пустой ящикъ, влезли на него, отодвинули лепешки въ сторону, и я, зацѣпясь руками за шестъ, принялся раскачиваться.

— Отодвинь въ сторону ящикъ, сказалъ я Петѣ, вися на воздухѣ.

Петя и Маша соединенными усиліями отодвинули ящикъ.

— Ну, вотъ теперь славно, сказалъ я. Разъ, два, три, смотри, какъ я кувыркаюсь.

Шестъ хрустнулъ въ моихъ рукахъ, и я полетѣлъ на землю.

Петя и Маша захохотали. Но смѣхъ ихъ не былъ продолжителенъ. Паденіе мое оказалось очень неудачно. Когда я поднялся, я не могъ стоять на ногахъ. Я вывихнулъ себѣ правую ногу. Сначала я было хотѣлъ все скрыть и съ помощью Пети и Маши кой-какъ выбрался изъ кладовой и добрался до крыльца, ведущаго во дворъ. Но сильная боль заставила меня сѣсть тутъ на ступенькѣ. Я заплакалъ. Петя и Маша перепугались, побѣжали и сказали Вальпуръ, что я ушибъ ногу. Пришла Вальпуръ. На ея расспросы надо было сказать правду, такъ какъ сломанный шестъ въ кладовой и разлетѣвшіяся во всѣ стороны лепешки, и безъ того бы обличили насъ. Вальпуръ побѣжала къ моему отцу и разсказала ему всю исторію. Между тѣмъ вывихнутая моя нога начинала уже пухнуть. Отецъ велѣлъ немедленно обложить ее льдомъ и поѣхалъ самъ къ доктору. Меня положили въ постель. Пріѣхалъ докторъ, и я выдержалъ жестокое мученье.

Ногу мою заклеили въ картонный футляръ и велѣли лежать неподвижно. Такимъ образомъ пролежалъ я цѣлыя шесть недѣль. Боже мой! сколько скуки, не говоря уже о страданіяхъ, перенесъ я въ эти шесть недѣль. Представьте себѣ каково бы вамъ было, еслибы вамъ пришлось лежать въ постелѣ въ самое лучшее время лѣта, когда вокругъ васъ все зелено, все цвѣтетъ, когда вы знаете, что еслибы были здоровы, то побѣжали бы и къ озеру удить рыбу и въ сосновой лѣсъ собирать грибы или чернику, словомъ, когда бы вы могли цѣлый день проводить на воздухѣ среди зелени и на свободѣ. Чикъ, чикъ, чикъ, стучали часы въ столовой, и я съ жадностью прислушивался къ стуку маятника, ожидая, что вотъ, вотъ пробьетъ еще часъ и слава Богу, еще часомъ ближе къ выздоровленію. Мои старые часы въ это время, были моимъ единственнымъ собесѣдникомъ и другомъ. Тетушкѣ Уллѣ нѣкогда было заниматься со мною, она возилась все по хозяйству. Отецъ, правда, приходилъ ко мнѣ и довольно часто, но постоянно сидѣть со мною онъ не могъ, такъ какъ имѣлъ служебныя занятія. А чтожъ

касается до Пети, его сестры и другихъ моихъ друзей, то всѣ они оказались маленькими эгоистами. Имъ гораздо было пріятнѣе бѣгать и играть на воздухѣ, нежели сидѣть у постели больнаго.

Наконецъ насталъ іюль, и въ половинѣ его пріѣхали изъ Петербурга тетя и двоюродный братъ Миша. Пріѣздъ его очень обрадовалъ меня, такъ какъ доставилъ мнѣ большое развлеченіе.

Миша былъ добрый мальчикъ, ему отъ души было жаль меня. Онъ самъ былъ очень радъ, послѣ зимы, проведенной въ классѣ, вырваться на свѣжій воздухъ и на свободу. Но несмотря на то, онъ проводилъ большую часть времени въ моей комнатѣ. Онъ или читалъ, или учился.

Миша, да разскажи, пожалуйста, что нибудь, говорилъ я плачевнымъ тономъ, когда тишина вокругъ меня да стукъ маятника начинали мнѣ надоѣдать.

— Да что тебѣ разсказывать, отвѣчалъ Миша, я ничего не знаю, кромѣ того, что учился и что читалъ.

— Ну, да хоть почитай мнѣ что нибудь.

У Миши было много книгъ. Онъ садился подлѣ моей постели и начиналъ мнѣ читать. То читалъ онъ мнѣ разные историческіе разсказы, то что нибудь изъ естественной исторіи про животныхъ, про птицъ и насѣкомыхъ, то изъ физики, то путешествія, то біографіи разныхъ замѣчательныхъ людей. Отъ скуки я слушалъ внимательно и чего не понималъ, то спрашивалъ у Миши, и онъ объяснялъ мнѣ такъ удовлетворительно, что то, что я не понималъ, становилось для меня ясно, какъ день. Мало по малу чтеніе его и разсказы начали интересовать меня, и я слушалъ уже не отъ скуки, но потому, что это становилось для меня уже почти потребностью.

Такимъ образомъ понялъ я, какой великій интересъ таится въ книгахъ и пріохотился къ чтенію. Когда я выздоровѣлъ, то ученье не пугало уже меня, и я перестал считать школу за мышеловку. Впрочемъ, по выздоровленіи я пересталъ ходить въ нашу городскую школу. Отецъ пригласилъ для меня на домъ учителя, который приготовилъ меня въ гимназію и приготовилъ очень успѣшно, такъ какъ теперь я учился уже охотно самъ.

Что же касается до акробатовъ, то они такъ мнѣ опротивѣли съ тѣхъ поръ, что я и до сихъ поръ не могу смотрѣть на нихъ безъ непріятнаго чувства. Какія бы ловкія штуки не выдѣлывали они, но всегда, когда я вижу ихъ, у меня какъ-то сжимается сердце, мнѣ становится грустно, когда я подумаю, что эти несчастные люди, ради куска хлѣба, посвящаютъ всю свою жизнь на такое безполезное и опасное занятіе. Чѣмъ ловчѣе и опаснѣе штуки выдѣлываетъ акробатъ на канатѣ, тѣмъ сильнѣе у меня замираетъ сердце, когда я смотрю на него, и у меня все бродитъ въ головѣ одна и та же мысль: „а вотъ свалится же когда нибудь бѣдняжка и переломаетъ себѣ кости“, что надобно сказать весьма часто и случается съ ними. Даже самъ великій Блонденъ, несмотря на свою геніальную смѣлость и талантъ, не примирилъ меня съ этимъ опаснымъ и безполезнымъ искусствомъ.

С. Соболевская.

ХРИСТОФОРЪ КОЛУМБЪ.

Рожденіе его. Его дѣтство. Его воспитаніе. Его занятія въ университетѣ Павіи. Первыя попытки. Нашествіе корабля на корабль. Его планы. Его свадьба. Пребываніе его въ Мадерѣ. Докторъ изъ Флоренціи. Предложенія Колумба республикѣ Генуэской, двору Лиссабонскому, Лондонскому и Мадридскому. Невѣжество судей. Настоятель испанскаго монастыря. Новый отказъ Мадридскаго двора. Послѣдствія взятія Гренады. Торжественное возвращеніе Колумба. Подпись договора испанскимъ правительствомъ.

Между великими людьми, которые прославили себя на земномъ поприщѣ и вліяли на вѣка ихъ геніемъ, особенно одинъ заслуживаетъ имя великаго, слава его будетъ жить

до скончанія свѣта, и потомство самое отдаленное единогласно отдастъ ему почтеніе; потому что ему мы обязаны важнѣйшими изъ открытій, которыми человѣкъ могъ бы возгордиться: человѣкъ этотъ Христофоръ Колумбъ, онъ угадалъ и открылъ новый свѣтъ.

Колумбъ родился въ 1435 году, въ окрестностяхъ Генуи; еще до сихъ поръ не могли точнѣе опредѣлить года его рожденія, самыя дѣятельныя изысканія не могли рѣшить этой задачи. Онъ не былъ сыномъ моряка, какъ предполагала большая часть историковъ, отецъ его былъ чесальщикомъ шерсти; въ родствѣ его, правда, было нѣсколько моряковъ, и можно сказать первые разсказы, переданные ему въ дѣтствѣ, были разсказы о морскихъ приключеніяхъ, которыя и опредѣлили его призваніе и заставили его предаться дѣлу, сопряженному съ трудомъ и опасностью.

Еще ребенкомъ, Колумбъ выказывалъ свое будущее величіе, всѣ его игры, развлеченія носили характеръ серьозныхъ занятій. Отецъ его, хотя былъ бѣденъ, но сдѣлалъ все, чтобы развить блестящія способности старшаго изъ своихъ четырехъ дѣтей. Колумбъ десяти лѣтъ умѣлъ читать, писать, рисовать, а успѣхи въ математикѣ приводили въ восторгъ его учителей. Его послали въ Павійскій университетъ, гдѣ онъ изучалъ грамматику и латынь; изученіе этихъ предметовъ въ то время считалось основаніемъ воспитанія, затѣмъ занимался онъ географіей, астрономіей и наукой о мореплаваніи.

Имѣя исключительное расположеніе къ наукамъ географическимъ, онъ со всѣмъ рвеніемъ предался имъ; но, къ несчастью, науки эти въ то время были мало изслѣдованы, свѣдѣнія были самыя ограниченныя, которыя конечно не могли удовлетворить любознательности молодаго студента; онъ въ короткое время зналъ все то, что профессора Павіи могли ему сообщить; вскорѣ онъ покинулъ школьныя скамьи, чтобы возвратиться въ домъ родительскій. 13 лѣтъ Колумбъ началъ плавать по Лигурійскому заливу; годъ спустя мы уже видимъ его въ главѣ небольшаго судна, въ которомъ онъ нѣсколько разъ переправляется изъ Генуи въ Неаполь и изъ Неаполя въ Марсель; онъ уже обладалъ нѣкоторыми способностями для коммандованія, рѣшимостью, твердостью характера и присутствіемъ духа, столь необходимыми моряку въ его опасной карьерѣ. Но онъ не замедлилъ доказать свою храбрость на дѣлѣ, принявъ участіе въ экспедиціи, управляемой Іоанномъ Анжуйскимъ, герцогомъ Калабрскимъ; экспедиція эта была снаряжена для новаго завоеванія Неаполитанскаго королевства. Въ 1474 году, Колумбъ командовалъ нѣсколькими генуэзскими кораблями подъ начальствомъ короля французскаго Людовика XI, впродолженіи войны, которую этотъ послѣдній велъ съ Испаніей, войска которой заняли Русильонъ.

Въ скоромъ времени республика Генуэзская провозгласила Колумба своимъ защитникомъ. Прежнее соперничество между этой республикой и Венеціанской возгорѣлось съ новою силою, и Средиземное море сдѣлалось театромъ ожесточенной борьбы. Въ одну изъ такихъ частыхъ стычекъ, въ которыя дрались съ одинаковымъ ожесточеніемъ какъ съ той, такъ и съ другой стороны, корабль, на которомъ служилъ Колумбъ, подъ начальствомъ одного изъ своихъ родственниковъ, былъ осажденъ венеціанскимъ кораблемъ, превосходившимъ его силою. Послѣ двухъ часоваго боя, пришли къ сцѣпленію; въ эту минуту огонь вспыхнулъ на бортахъ обоихъ кораблей, пожаръ распространился съ быстротою молніи, остановилъ осаду непріятелей, которые только и думали, какъ бы избѣгнуть смерти, готовой настичь ихъ въ полуобгорѣлыхъ каютахъ. Погибающіе бросаются въ шлюбки, но число ихъ не въ состояніи помѣстить всѣхъ несчастныхъ; большая часть погибаетъ въ волнахъ. Среди этого всеобщаго отчаянія, среди стоновъ утопающихъ, одинъ молодой человѣкъ сохранилъ

свое хладнокровіе; спокойный въ то время, когда его соратники, растерявшись передъ двойною опасностью, погибаютъ, онъ остается одинъ на палубѣ, онъ какъ бы ожидаетъ благопріятнаго времени, чтобъ ее покинуть, но вдругъ бросается въ волны. Опытный плаватель борется съ волнами, хватается за первый, попавшійся ему обломокъ, и пользуясь имъ, чтобъ не утонуть, онъ направляется къ берегу, отъ котораго отдѣляло его еще большое пространство. Берегъ этотъ была Португалія; безстрашный и счастливый пловецъ — Колумбъ. Избѣжавъ какъ бы чудомъ это ужасное кораблекрушеніе, стоившее жизни всѣмъ его товарищамъ, единственный пережившій это великое несчастье двухъ кораблей, Колумбъ бросается на колѣни, чтобы возблагодарить провидѣніе за дарованное ему спасеніе. Вслѣдъ за тѣмъ, отдохнувъ впродолженіи нѣсколькихъ дней, онъ направляется къ Лиссабону. Несчастье часто приводитъ къ хорошимъ результатамъ; Колумбъ обязанъ былъ этому случаю славою, которую онъ пріобрѣлъ себѣ впослѣдствіи. Португальцы были самыми способными и смѣлыми моряками того времени; отваживаясь плавать по Атлантическому океану, въ то время почти неизвѣстному другимъ народамъ, они нашли вознагражденіе за ихъ храбрость въ открытіи двухъ замѣчательныхъ островсвъ, лежащихъ въ сосѣдствѣ Африки, и дали имъ имя Porto-Santo и Мадера. Ободренные этимъ блестящимъ успѣхомъ, они положили открыть путь прямаго сообщенія съ Индіею. Если справиться въ древней географіи, то мы увидимъ, что древніе знали только Сѣверъ Африки и небольшую часть Эѳіопіи; они не знали простирается ли земля до сѣвернаго полюса или кончается гдѣ нибудь на югѣ.

Слава Колумба опередила его въ Лиссабонѣ; говорили о его способностяхъ, храбрости, и моряки самые способные приняли его съ доказательствами искренняго уваженія къ его способностямъ. Включенный въ ихъ кругъ, онъ скоро считалъ ихъ всѣхъ за друзей; въ частыхъ разговорахъ, которые онъ велъ съ ними, онъ безпрестанно касался предпріятій Португальцевъ и предположенія ихъ открыть путь въ Индію, чрезъ Атлантическій океанъ. Венеціанцы были единственный народъ въ то время, который имѣлъ торговыя сношенія съ Индіею; и онъ обязанъ былъ этому преимуществу своимъ богатствомъ и своимъ могуществомъ. Они получали Индѣйскія произведенія Краснымъ моремъ, которое получило свое названіе отъ краснаго песку, входящаго въ составъ его грунта, и чрезъ Средиземное море. Но такъ какъ эти два моря отдѣлены другъ отъ друга широкимъ перешейкомъ, то нужно было, чтобъ товары, дошедшіе до этого перешейка; были бы разгружаемы, и частью каналами, частью на верблюдахъ были перевозимы въ Египетъ, въ Александрію, а оттуда ихъ отправляли Средиземнымъ моремъ въ Венецію. Можно себѣ представить какое затрудненіе и какой ущербъ причиняли торговли эта нагрузка и выгрузка товаровъ и перевозъ ихъ сухимъ путемъ отъ моря до Александріи; это-то обстоятельство и объясняетъ постоянную работу умовъ и ту важность, которую придавали открытію пути, посредствомъ котораго сообщенія были бы менѣе продолжительны и обходились бы дешевле.

Еще другое обстоятельство помогло исполненію намѣренія Колумба: онъ женился на дочери одного изъ капитановъ, съ которымъ онъ сошелся въ Лиссабонѣ; этотъ капитанъ открылъ острова Porto-Santo и Мадеру, такъ что онъ могъ въ волю пользоваться журналами и картами этого смышленнаго плавателя. Эти бумаги, столь цѣнныя для Колумба, были предметомъ его изученія и его размышленій; денно и нощно изучалъ онъ ихъ, сравнивалъ ихъ съ понятіями другихъ мореплавателей. Онъ почерпалъ изъ этого неотлучнаго труда новую энергію, новое рвеніе для исполненія намѣреній, созданныхъ имъ; онъ горѣлъ желаніемъ идти по слѣдамъ мореплавателей, пріобрѣвшихъ себѣ извѣстность счастливыми

открытіями; онъ самъ хотѣлъ посѣтить вновь открытые острова. Съ этими намѣреніями отправился онъ въ Мадеру, пробылъ тамъ нѣсколько лѣтъ и увеличилъ свои небольшія средства коммерческими предпріятіями, посѣщая поочередно то Азорскіе, то Канарскіе острова. Но аферы и поѣздки не могли отвлечь Колумба отъ предполагаемой цѣли, ни заставить забыть предметъ его размышленій. Нѣтъ ли, говорилъ онъ часто самъ себѣ, кратчайшаго пути въ Индію, чѣмъ тотъ, котораго ищутъ португальцы огибая Африку. Если ѣхать изъ Европы и направиться Атлантическимъ океаномъ на Западъ, не доѣдешь ли до земли, которая и есть Индія, или до материка, который лежитъ на границѣ ея? Если земля шаровидная, какъ я думаю, нельзя ли предполагать, что другое полушаріе сотворено было Богомъ для другихъ людей и животныхъ. Нѣтъ, я не могу себѣ представить, говорилъ онъ, чтобы вода заливала все это полушаріе. Мой разсудокъ отвергаетъ эту мысль, я убѣжденъ скорѣе, что Индія гораздо болѣе, нежели думаютъ, и навѣрное простирается далеко на Востокъ Европы. Пусть какой нибудь корабль направляется все на Западъ и онъ достигнетъ Индіи. Примѣты и наблюденія утвердили его въ мысли, что должны быть земли, по ту сторону земнаго шара: такъ португальскій капитанъ, удаляясь на Западъ по Атлантическому океану, нашелъ деревянную вещь, искусно сдѣланную, которая была пригнана западными вѣтрами. Зять Колумба увѣрялъ его, что въ одну изъ своихъ поѣздокъ изъ Мадеры на Западъ, онъ поднялъ другой кусокъ дерева, отдѣлка котораго была очень похожа на предъидущую; нѣсколько другихъ деревянныхъ вещей были выброшены въ различное время на берега Азорскихъ острововъ, лежащихъ въ Атлантическомъ океанѣ, между Европой и Америкой. Время отъ времени деревья, неизвѣстной породы были выбрасываемы на западные берега этихъ острововъ; наконецъ трупы двухъ людей, лица которыхъ вовсе не походили на лица обитателей Европы, Азіи и Африки, подали поводъ къ противорѣчащимъ догадкамъ.

Но всѣ эти свѣдѣнія и наблюденія подтверждали слова генуэзскаго мореплавателя; когда ученые сомнѣвались, онъ рѣшилъ вопросъ съ своей точки зрѣнія, но все таки онъ счелъ нужнымъ посовѣтоваться съ людьми, которые въ то время пользовались двойнымъ авторитетомъ: ученостью и опытностью. Тотъ, котораго познанія и слова наиболѣе вселили довѣрія Колумбу, назывался Павломъ; онъ былъ докторомъ во Флоренціи. Этотъ ученый принялъ благосклонно Колумба и, выслушавъ его разсужденія, которыя ему показались очень здравыми, онъ сообщилъ ему собственныя наблюденія и предположенія, которыя сходились съ понятіями Колумба; онъ уговаривалъ его въ особенности не отступать отъ своего рѣшенія и поторопиться исполнить это намѣреніе, удачу котораго онъ ему предсказывалъ.

Ободренный этими словами, Колумбъ не сомнѣвался въ предпріятіи дѣла, планъ котораго, подвергнутый изслѣдованію опытнаго ученаго, заслужилъ полнѣйшее его одобреніе. Но новое препятствіе остановило нашего мореплавателя: могъ ли онъ съ своими ничтожными средствами удовлетворить издержкамъ для вооруженія корабля, въ такое дальнее путешествіе. Колумбъ не отчаявался превозмочь это затрудненіе; онъ вскорѣ убѣдился, что такая экспедиція превосходила денежныя средства частнаго лица, и что онъ долженъ вовлечь въ это предпріятіе одного изъ монарховъ Европы.

Первая его мысль была обращена на родину; онъ хотѣлъ ее сдѣлать сообщницей своей славы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дать ей возможность обогатиться плодомъ его трудовъ; такъ думая, обратился онъ къ генуэзскому сенату, представилъ ему планъ своихъ дѣйствій и просилъ деньги, необходимыя для ихъ исполненія; но сенатъ видѣлъ въ нихъ

только искателя приключеній и отвѣтилъ ему оскорбительнымъ отказомъ.

Но все еще не разочарованный Колумбъ обратился къ двору португальскому; онъ тамъ надѣялся имѣть успѣхъ, потому что португальское государство прославило уже себя смѣлыми предпріятіями. Въ Лиссабонѣ его намѣренія были выслушаны съ большимъ вниманіемъ, но подъ благосклонностью скрывалась ловушка, подставленная довѣрчивостью мореплавателя. Ему показали, что принимаютъ его съ большою радостью для того, чтобы употребить во зло его откровенность; они хотѣли именно предупредить его въ морскомъ предпріятіи и чрезъ это похитить у него славу. Это было низкое предательство, и правительство, допустившее его, вполнѣ заслужило порицаніе исторіи. Во всякомъ случаѣ это предательство не привело къ желаемому результату. Правительство тотчас же поспѣшило вооружить корабль и назначенному капитану передало намѣренія Колумба. Но капитану не доставало выносливости, столь необходимой въ большихъ предпріятіяхъ; онъ направлялся нѣсколько времени къ Востоку; но долгое путешествіе наскучило ему, и онъ ни съ чѣмъ вернулся въ Лиссабонъ, гдѣ его отчаяніе и жалобы породили сомнѣніе въ правильности расчетовъ Колумба.

Колумбъ же, возмущенный низостью португальскаго правительства, поспѣшилъ оставить Лиссабонъ и уѣхалъ въ Мадеру; но, боясь новой неудачи, онъ отправилъ своего брата Варѳоломея въ Англію, чтобы убѣдить ихъ принять участіе въ предпріятіи.

Въ то время на престолѣ испанскомъ былъ Фердинандъ, прозванный — Католикъ; король, котораго осторожная политика и боязливый нравъ, удаляли отъ всякихъ рискованныхъ предпріятій; къ тому же онъ былъ вовлеченъ въ войну противъ послѣдняго короля мавровъ, властителя Андалузіи, столица котораго былъ городъ Гренада. Какъ мы можемъ видѣть, условія для Колумба были самыя неблагопріятныя, онъ уже предвидѣлъ неисполненіе своихъ желаній. Несмотря на то, Фердинандъ и супруга его, королева Изабелла, приняли его со всѣми возможными почестями; они выслушали его со вниманіемъ и, казалось, поняли его; но въ рѣчи Колумба было столько смѣлости, что монархъ не рѣшился согласиться на его предложеніе, не подвергнувъ его мысли приговору людей, слывшихъ въ то время за весьма ученыхъ. Эти люди въ своихъ познаніяхъ были очень ограничены, и они выказали Колумбу все ихъ невѣжество, дѣлая ему самыя пустыя, самыя нелѣпыя возраженія: по словамъ однихъ, море, лежащее между Европой и Азіей, такъ обширно, что нужно было бы не менѣе трехъ лѣтъ, чтобъ достигнуть ближайшаго материка; другіе предполагали, что такъ какъ земля круглая, то необходимо, направляясь къ Западу, постоянно спускаться, и что возвращаясь пришлось бы подыматься— что невозможно даже при помощи вѣтра. Между этими судьями были и такіе, которые старались выставить Колумба въ смѣшномъ видѣ; они подсмѣивались надъ нимъ, говоря ему, что неужели онъ себя считаетъ болѣе свѣдущимъ, нежели тѣ тысячи ученыхъ, которые жили до него и что возможно ли это, если предполагать существованіе земель на другомъ полушаріи, чтобы онѣ были неизвѣстны въ продолженіи стольких вѣковъ. Глупость и тщеславіе этихъ судей не подѣйствовали на Колумба; онъ не выразилъ ни малѣйшей досады, ни малѣйшей злости на ихъ возраженія, которыя, какъ мы видѣли, были иногда оскорбительны.

Кто бы повѣрилъ, если бы неопровержимое свидѣтельствованіе исторіи не показало бы намъ безпредѣльную терпѣливость Колумба: онъ провелъ пять лѣтъ въ безплодныхъ спорахъ; въ то время, когда онъ надѣялся, что наконецъ-то цѣль его достигнута, онъ узналъ, что королю былъ сдѣланъ на него доносъ, и дворъ испанскій объявилъ ему, что пока будетъ продолжаться война между

испанцами и маврами, онъ и думать не можетъ о предпріятіи такого рода.

Это былъ одинъ только предлогъ; Колумбъ это отлично понялъ, но не выразилъ своего негодованія. Онъ позабылъ уже эти пять лѣтъ, которыя онъ провелъ въ постоянныхъ ожиданіяхъ. Онъ старался вовлечь въ это дѣло двухъ грандовъ Испаніи, капиталы которыхъ хватили бы, чтобъ снарядить небольшую экспедицію; но вельможи эти не имѣя ни достаточно довѣрія, ни довольно смѣлости, чтобъ исполнить желаніе Колумба, отказали ему, такъ что онъ снова потерпѣлъ отказъ. Столько тщетныхъ надеждъ, столько препятствій, отказовъ заставили бы всякаго, кромѣ Колумба, отказаться отъ своихъ намѣреній; но онъ не былъ бы великимъ человѣкомъ, еслибъ онъ отчаявался въ ихъ исполненіи. Возвышенныя души, твердые характеры почерпаютъ въ борьбѣ, которая ихъ испытываетъ, новую энергію. Что за дѣло до препятствій, до трудностей, которыми злоба и зависть усѣиваетъ ихъ путь: ихъ взоръ обращенъ на блистательную цѣль, на потомство, которое ихъ единственный судья; они идутъ впередъ не обращая вниманіе на равнодушіе и на неблагодарность современниковъ. Отъ будущаго ждутъ они справедливости, и оно никогда не обвинитъ ихъ. Таковъ былъ Колумбъ: непоколебимой твердостью характера онъ былъ обязанъ своей славѣ.

Но еще семейныя непріятности присоединились къ несчастьямъ, которымъ онъ подвергся въ свое пребываніе въ Испаніи. Молчаніе брата его, Варфоломея, со времени поѣздки его въ Англію, заставило Колумба посѣтить этотъ островъ. Ему еще не было извѣстно, что во время переправы, Варфоломей былъ схваченъ пиратами и что онъ, сломавъ оковы, наконецъ прибылъ въ Англію, и теперь находился въ такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, что онъ долженъ былъ рисовать и продавать карты, для того чтобы купить себѣ приличное, для представленія ко двору, платье. У Колумба былъ сынъ по имени Діего, который составлялъ его единственное утѣшеніе среди бурной его жизни; прежде чѣмъ покинуть Испанію, онъ захотѣлъ увидѣть его и отправился въ монастырь, гдѣ этотъ послѣдній воспитывался. Настоятель священной обители, отецъ Петръ, былъ очень ученый человѣкъ; онъ принялъ Колумба очень ласково и, выслушавъ съ большимъ вниманіемъ объявленіе намѣреній и перечень неудачъ, тотчасъ же понялъ пользу этого предпріятія. Имѣя маленькую надежду на расположеніе, которое высказывала ему королева Изабелла, онъ попросилъ своего гостя отсрочить поѣздку въ Англію до отвѣта королевы на его письмо.

Письмо это, въ которомъ отецъ Петръ съ большимъ участіемъ говорилъ о Колумбѣ, произвело на Изабеллу сильное впечатлѣніе. Вызванный тотчасъ ко двору, Колумбъ былъ встрѣченъ съ большою благосклонностью королевой, и друзья мореплавателя поздравляли его уже съ неожиданнымъ успѣхомъ; но нерѣшительность короля еще разъ обманула надежды Колумба. Принцъ этотъ отдалъ опять планы Колумба на разсмотрѣніе тѣмъ же людямъ, съ которыми онъ уже совѣтывался на счетъ этого дѣла; ихъ отвѣтъ былъ новымъ приговоромъ, произнесеннымъ надъ такъ называемымъ генуэзскимъ искателемъ приключеній.

Фердинандъ не хотѣлъ ничего болѣе и слышать о предпріятіи Колумба; покровительница его, королева Изабелла, приказала прервать съ нимъ всякаго рода сношенія.

Такимъ образомъ Колумбъ снова становится жертвою презрѣнія и насмѣшекъ придворныхъ; потому что между окружающими короля есть всегда злые люди, которымъ приговоръ кажется игрушкою и которые рады, за одобрительную улыбку короля, поносить честныхъ людей, попавшихъ въ его немилость. Завистники, которые предвидѣли, можетъ быть, успѣхъ Колумба, также не щадили его. Насытившись отвращеніемъ, униженный оскорбленіями, казалось бы Ко-

лумбъ долженъ былъ погибнуть подъ тяжестью бѣдствій. Но душа его пересилила ношу; онъ попробовалъ послѣдній разъ попытать счастья при дворѣ англійскомъ и предложить ему часть свѣта, отвергнутую тремя державами.

Вѣсть о взятіи Гренады испанцами застигла его среди приготовленій къ отъѣзду; эта побѣда уничтожила владычество мавровъ въ Испаніи, и этой счастливой удачей думали воспользоваться двое изъ друзей Колумба; они хотѣли напомнить коронованнымъ особамъ о намѣреніяхъ генуэзскаго мореплавателя. Они поняли, что эта удача дастъ доступъ благороднымъ мыслямъ и расположитъ ихъ къ исполненію великаго дѣла. Оба они съ такимъ жаромъ и увлеченіемъ говорили Фердинанду и Изабеллѣ о Колумбѣ, что король и королева, потрясенные словами защитниковъ, дали свое согласіе. Тотчасъ отправленъ былъ курьеръ къ Колумбу и объявилъ ему возвращеніе монаршей милости. Но курьеръ засталъ Колумба уже на дорогѣ. Возвращеніе Колумба было всеобщимъ торжествомъ. Ожидаемый съ нетерпѣніемъ Фердинандомъ и его супругой, онъ представилъ имъ условія предпріятія, которыя были немедленно приняты, и Колумбъ началъ приготовляться къ отъѣзду.

Наконецъ-то онъ держитъ въ рукахъ актъ, или скорѣе договоръ, подписанный Фердинандомъ и Изабеллой. Эта бумага даровывала ему званіе вице-короля во всѣхъ тѣхъ земляхъ, которыя онъ откроетъ, и служила ручательствомъ для положенія передачи этого достоинства потомству; кромѣ того, по этому договору онъ и потомство его будутъ получать десятый процентъ годоваго дохода вновь открытыхъ земель.

ВЪ ЧЕМЪ ГЕРОЙСТВО.

Окончаніе.)

ГЛАВА XX.

о всѣхъ частяхъ штатовъ носились слухи о предстоящей войнѣ съ Англіей. Тоже самое, но гораздо положительнѣе говорили въ Вашингтонѣ, гдѣ происходила по этому случаю пренія въ конгрессѣ, и сюда же приходили свѣдѣнія о возмутительныхъ несправедливостяхъ англичанъ. Городъ имѣлъ встревоженный видъ. По случаю предстоящей войны наѣхало много иностранцевъ и много людей, желавшихъ принять участіе въ войнѣ. Послѣдняя причина заставила пріѣхать въ Вашингтонъ и полковника Стэнли.

Тотчасъ по пріѣздѣ онъ отыскалъ мистера Манверса. Оказалось, что они остановились въ одной и той же гостинницѣ. Манверсъ и Стэнли встрѣтились, не смотря на долгую разлуку, со всею горячностью искреннихъ друзей. Между прочимъ зашелъ у нихъ разговоръ и о Фридрихѣ. Полковникъ Стэнли получалъ отъ своего сына письма, въ которыхъ тотъ говорилъ о семействѣ мистера Манверса и превозносилъ его гостепріимство.

Не видавши своего сына уже шесть лѣтъ и, зная, что Манверсъ видѣлся съ нимъ не болѣе полугода назадъ, онъ захотѣлъ узнать о немъ отъ своего друга. Онъ благодарилъ Манверса за хорошій пріемъ, оказанный Фрид-

риху. Тѣнь неудовольствія пробѣжала по лицу Манверса и онъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ сомнѣнія, что сынъ стариннаго друга былъ принятъ съ гостепріимствомъ, на которое имѣетъ право разсчитывать всякій знакомый.

— Но Фридрихъ думалъ, что вы относитесь хорошо лично къ нему, а не только выказываете свое гостепріимство.

— Онъ преувеличилъ цѣну нашихъ заслугъ, сказалъ холодно Манверсъ.

— Видѣли вы также Месона? продолжалъ полковникъ.

— Да, часто.

— Я боялся за него, сказалъ Стэнли, потому что онъ былъ слишкомъ избалованъ, и мнѣ казалось, что онъ не будетъ имѣть успѣха на службѣ, гдѣ требуется строгое повиновеніе. Но Фридрихъ говорилъ, что онъ очень любимъ; а вамъ, какъ онъ показался?

— Я нахожу, что онъ одаренъ большими достоинствами, отвѣтилъ Манверсъ горячо. — Я никогда не видалъ болѣе пріятнаго молодого человѣка. Сразу видно, что изъ него выйдетъ отличный офицеръ.

— Я радъ это слышать, сказалъ полковникъ Стэнли, принимавшій участіе въ Артурѣ, хотя и недовольный нѣсколько въ настоящую минуту тѣмъ, что Артура ставятъ выше его сына: — Его характеръ былъ въ дѣтствѣ такой легкомысленный и пылкій.

— Но теперь онъ исправился. Понятно, онъ увлекается, какъ еще очень молодой человѣкъ, и отдается своимъ наклонностямъ немного болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Я убѣжденъ только, что онъ храбръ и честенъ и что въ немъ нѣтъ пороковъ.

— Вы кажется сильно привязаны къ нему?

— Да я къ нему искренно расположенъ. Въ настоящее время онъ страдаетъ отъ раны, полученной на дуэли, причиною которой, если мнѣ вѣрно разсказали, было его заступничество за мою честь.

— Развѣ онъ дрался на дуэли?

— А вы этого не знали?

— Нѣтъ; я уже нѣсколько недѣль, какъ выѣхалъ изъ дому, и послѣднее письмо Фридриха было написано вскорѣ послѣ его недѣльнаго пребыванія у васъ. Мнѣ жаль Артура; но я надѣюсь, что онъ не тяжело раненъ?

— Тяжело, но не опасно. Онъ стоитъ сожалѣнія, потому что вступался за оскорбленнаго отсутствующаго друга.

— По моему, человѣкъ твердаго и неустрашимаго характера могъ бы отстранить оскорбленіе, дѣлаемое въ его присутстіи его другу, или заставить отказаться отъ оскорбленія, не подвергаясь глупому и антихристіанскому обычаю поединка.

На этомъ мѣстѣ разговоръ прервался и болѣе не возобновлялся.

Манверсъ, ожидая свою дочь, занялъ въ гостинницѣ довольно обширное помѣщеніе. Однажды утромъ онъ сидѣлъ тамъ съ полковникомъ Стэнли, какъ вдругъ дверь отворилась и вошли: его дочь, г-нъ Вильяръ и Фридрихъ. Послѣдній никакъ не думалъ, попасть въ комнату Манверса, принимая ее за общую комнату въ гостинницѣ.

Елла бросилась на грудь своего отца; Манверсъ горячо обнялъ ее; на глазахъ обоихъ видны были слезы счастія. Фридрихъ чувствовалъ себя неловко при этой сценѣ и хотѣлъ было удалиться, но вдругъ глаза его встрѣтились съ глазами, сидѣвшаго въ углу господина, который тревожно слѣдилъ за всѣми его движеніями. Фридрихъ узналъ полковника Стэнли и кинулся къ нему съ распростертыми объятіями: на минуту отецъ и сынъ слились въ безмолвномъ объятіи. Полковникъ Стэнли высвободился изъ объятій сына, и глядя на его раскраснѣвшееся лицо, на его высокую и статную фигуру, проговорилъ: „какая перемѣна“!

— Развѣ вы не узнали меня? спросилъ Фридрихъ.

— Конечно нѣтъ, пока не встрѣтилъ твоего взгляда. Какъ могъ я, прибавилъ полковникъ улыбаясь, представить себѣ въ этомъ бородачѣ гренадерѣ, съ черными волосами,

моего бѣлолицаго мальчика, каштановыя кудри котораго возбуждали зависть всѣхъ женщинъ. Затѣмъ, замѣтивъ, что сцена свиданія между Еллой и отцомъ ея кончилась, онъ подошелъ къ ней и, подавая руку, сказалъ:

— Миссъ Манверсъ, я не жду, чтобы меня вамъ представили; я старинный другъ вашего отца, полковникъ Стэнли.

Елла съ чувствомъ пожала его руку. Манверсъ до сихъ поръ не замѣчалъ Фридриха. Увидѣвъ его теперь, онъ поклонился ему любезно, но холодно. Такой холодный пріемъ заставилъ покраснѣть Фридриха и горько улыбнуться. Елла, замѣтивъ такое обращеніе своего отца съ Фридрихомъ, огорчилась за него и быстро сказала отцу:

— Если вы меня любите, папа, то вы должны благодарить мистера Стэнли за избавленіе меня отъ большой опасности.

— Отъ какой опасности, Елла?

— Онъ освободилъ меня изъ рукъ пиратовъ, отвѣчала она серьезно.

Безсознательно Манверсъ снова притянулъ къ груди своей Еллу, какъ бы укрывая ее даже отъ воспоминанія о подобной опасности, и воскликнулъ „можетъ ли быть, можетъ ли быть!“

— Да! Но, благодаря мистеру Стэнли, я вышла невредима.

Манверсъ съ испугомъ и вопрошающимъ взоромъ обратился къ Вильяру, который подтвердилъ слова Еллы.

— Ваша и моя дочь обѣ были взяты пиратами съ нашего судна и отвезены на остр. Баратарію. Фридрихъ слѣдовалъ за ними только съ нѣсколькими матросами и своею храбростью и осторожностью благополучно выручилъ ихъ оттуда.

Мистеръ Манверсъ сильно любилъ свою дочь. Онъ никогда и не предполагалъ, чтобы она могла подвергнуться хотя малѣйшей опасности, и вдругъ ему говорятъ, что Елла была въ рукахъ звѣрскихъ и развращенныхъ людей; онъ то блѣднѣлъ, то краснѣлъ, представляя себѣ ужасное положеніе своей дочери. Благодарю тебя, Боже! воскликнулъ онъ и, опустившись на стулъ, заплакалъ.

— Извините меня, сказалъ онъ, вставая со стула, я и самъ не зналъ, какъ люблю это дитя; потомъ протянувъ руку Фридриху прибавилъ:

— Простите, простите меня, что я былъ такъ холоденъ, грубъ можетъ быть, въ то время, какъ вы имѣете право на самую горячую благодарность. Вы уже меня простили? прибавилъ онъ съ улыбкою, когда Фридрихъ крѣпко жалъ его руку.

— Освобождая женщинъ отъ такой ужасной судьбы, говорилъ Фридрихъ, я только исполнялъ свой долгъ, что къ тому же было очень легко, вслѣдствіи неожиданной любезности Лафита, за что я уже теперь вполнѣ вознагражденъ тѣмъ, что обѣ женщины въ безопасности.

— Не уменьшайте вашихъ заслугъ, мистеръ Стэнли, перебилъ Вильяръ: неожиданная любезность Лафита была, какъ онъ самъ сознался, слѣдствіемъ вашего хладнокровія и умѣнья владѣть собой.

— Не продолжайте, не продолжайте, воскликнулъ Фридрихъ; такими похвалами вы заставите меня слишкомъ возгордиться.

— Однако, господа, сказалъ полковникъ Стэнли, намъ нужно удалиться. Я думаю, что миссъ Манверсъ необходимъ отдыхъ.

При выходѣ изъ комнаты, Манверсъ взялъ съ нихъ обѣщаніе придти къ нему вечеромъ ужинать.

Вечеромъ собрались у Манверса всѣ, кромѣ Фридриха, котораго задержали товарищи офицеры. Онъ обѣщалъ явиться вскорѣ.

— Месонъ ѣхалъ вмѣстѣ съ вами на кораблѣ? спросилъ Манверсъ Вильяра. Что его рана?

— Онъ еще очень слабъ, постоянно грустенъ и приходитъ въ отчаяніе отъ мысли, что не будетъ въ состояніи участвовать въ войнѣ. Онъ просилъ Стэнли заявить, что онъ намѣренъ продолжать службу по окон-

чаніи лѣта, но я не думаю, чтобы онъ поправился къ тому времени.

— Мнѣ грустно слышать это, сказалъ Манверсъ, тѣмъ болѣе, что онъ получилъ рану за меня.

— Изъ за васъ! Это ошибка. Мэсонъ поколотилъ капитана Грэнби за его ложный разсказъ о причинѣ своей ссоры съ Фридрихомъ. Эта ссора, я знаю, была за васъ; она происходила при мнѣ, а въ остальномъ я имѣю такихъ же вѣрныхъ свидѣтелей, какъ мои глаза и уши.

— Вы меня изумляете! сказалъ Манверсъ. Разскажите, пожалуйста, какъ все это происходило; или.... и онъ взглянулъ на полковника Стэнли.

— Мнѣ тоже будетъ очень интересно слушать свидѣтельство г. Вильяра о моемъ сынѣ, сказалъ полковникъ.

—Вы можете имъ гордиться, сказалъ Вильяръ.

— Хорошо, хорошо! перебилъ Манверсъ нетерпѣливо, скорѣй къ вашему разсказу; а то герой его помѣшаетъ намъ.

— Смѣло можете называть его героемъ; такой неустрашимости и такого самообладанія я ни въ комъ не встрѣчалъ, кромѣ его; и Вильяръ разсказалъ извѣстное уже намъ происшествіе.

— И Артуръ палъ жертвою такого малодушнаго труса! произнесъ Манверсъ, по окончаніи разсказа.

— Нѣтъ, онъ палъ скорѣе жертвою своихъ необузданныхъ страстей. Если бы онъ объявилъ капитану Грэнби, что тотъ лжетъ, и потребовалъ у него отказаться отъ своихъ словъ, я увѣренъ, его требованіе было бы удовлетворено, и капитана выгнали бы изъ города. Но, къ несчастью, Мэсонъ началъ съ того, что сшибъ его со стула. Дуэль оправдала этого негодяя. Но вотъ идетъ нашъ герой, прибавилъ онъ съ улыбкою, услыхавъ торопливые шаги по лѣстницѣ и потомъ стукъ въ дверь.

Вошелъ дѣйствительно Фридрихъ, извиняясь въ томъ, что опоздалъ, „хотя я надѣюсь“, прибавилъ онъ, „отецъ предупредилъ о причинѣ моего замедленія“.

— Вы нисколько не опоздали и не заставили насъ дожидаться, сказалъ Манверсъ. Мы были такъ заняты Вильяромъ, отъ котораго я узналъ, что я имѣю еще болѣе причинъ быть вамъ благодарнымъ, чѣмъ я предполагалъ до сихъ поръ, и что съ моей стороны было столько несправедливостей, за которыя я долженъ краснѣть. Простите ли вы мнѣ все это, Фридрихъ?

— Прошу васъ, мистеръ Манверсъ, не говорите болѣе объ этомъ, сказалъ Фридрихъ. Вы знаете, какъ я дорого цѣню ваше высокое мнѣніе обо мнѣ, и если оно возстановилось, то я вполнѣ удовлетворенъ.

Въ продолженіи разговора Фридрихъ постоянно останавливалъ, когда заговаривали о немъ, и мистеръ Манверсъ болѣе не высказывалъ своей благодарности, хотя его радушіе и внимательность къ Фридриху доказывали это. Для Фридриха самымъ пріятнымъ доказательствомъ было то, что онъ согласился на предложеніе его отца пріѣхать съ дочерью къ нимъ въ гости въ то время, когда Фридрихъ будетъ тамъ, если выхлопочетъ для себя отпускъ.

— Если вы будете заняты въ конгрессѣ также много, какъ теперь, сказалъ полковникъ Манверсу, то вашей дочери будетъ очень скучно въ вашемъ домѣ, не лучше ли ей поѣхать, если она согласится, вмѣстѣ со мной теперь; а потомъ и вы пріѣдете, когда освободитесь отъ должности.

— Я согласенъ; если мнѣ удастся уговорить Еллу, то мнѣ будетъ очень пріятно.

Сердце Фридриха прыгало отъ радости, и онъ заснулъ, мечтая о томъ, какъ онъ будетъ жить въ своемъ семействѣ, подъ одной крышей съ Еллою.

На слѣдующее утро онъ проснулся въ самомъ лучшемъ расположеніи духа, и, полный свѣтлыхъ надеждъ, вышелъ въ общую столовую. Онъ засталъ тамъ Манверса. Поздо-

ровавшись, онъ освѣдомился объ Еллѣ; оказалось, что она совсѣмъ уже оправилась съ дороги и завтракала въ своей комнатѣ.

— Она пойдетъ со мной гулять, сказалъ Манверсъ, только не надолго, потому что мнѣ нужно зайти въ почтамтъ. Я ожидаю письмо, на которое мнѣ нужно, какъ можно скорѣе, отвѣтить.

— Позвольте мнѣ зайти за вашимъ письмомъ, сказалъ Фридрихъ; я вамъ занесу его или сюда, или въ должность.

— Очень вамъ благодаренъ; вы меня крайне обяжите, если только это не помѣшаетъ вашимъ собственнымъ дѣламъ.

— Нѣтъ, я долженъ только зайти въ канцелярію управляющаго морскимъ министерствомъ, а туда можно идти позднѣе.

Около девяти часовъ пришла почта, и Фридриху передали пакетъ на имя Манверса. Онъ поспѣшилъ въ гостинницу, думая встрѣтить тамъ Манверса, который долженъ былъ возвратиться съ прогулки.

— Вернулся ли мистеръ Манверсъ? спросилъ онъ у лакея.

— Да, сэръ; онъ только что съ миссъ Манверсъ пошелъ въ свою гостинную.

Фридрихъ поспѣшилъ на верхъ и вошелъ въ комнату такъ тихо, что ни Манверсъ, ни Елла его не замѣтили. Мистеръ Манверсъ собирался уходить и, казалось, кончалъ разговоръ съ Еллою. Фридрихъ остановился и не доложилъ о себѣ; такимъ образомъ онъ услышалъ слѣдующее.

— Мнѣ непріятно оставлять тебя такъ долго одну, Елла, говорилъ Манверсъ; я желалъ бы, чтобы ты приняла приглашеніе Стэнли.

— Я могу остаться одна, папа, отвѣчала Елла; Фридриху показалось при этомъ, что голосъ ея задрожалъ, какъ бы отъ волненія. Но если вы хотите отправить меня куда нибудь, то прошу назначить другое мѣсто; я не хочу ѣхать къ Стэнли.

— Развѣ молодой Стэнли обидѣлъ тебя? спросилъ Манверсъ.

Какъ ни хотѣлось Фридриху слышать отвѣтъ, но онъ рѣшился лучше уйти, такъ какъ ему казалось не деликатнымъ слушать или лучше подслушивать разговоръ отца съ дочерью, не подозрѣвавшихъ его присутствія. Онъ вышелъ также тихо, какъ и вошелъ.

Послѣднія слова Еллы: „я не хочу ѣхать къ Стэнли“ звучали въ его ушахъ; онъ никакъ не могъ угадать причину этого отказа. Затѣмъ онъ надѣлъ шляпу и отправился въ то присутственное мѣсто, гдѣ долженъ былъ находиться Манверсъ, но онъ догналъ его на дорогѣ.

Съ перваго взгляда на Фридриха, тотъ замѣтилъ его волненіе и спросилъ съ участіемъ, что случилось съ нимъ.

По многимъ причинамъ Фридрихъ рѣшился сказать Манверсу все, что слышалъ въ гостиницѣ.

— Вы говорите, что слышали мой вопросъ, не была ли обижена Елла вами? спросилъ Манверсъ. Слышали ли вы ея отвѣтъ?

— Я не слыхалъ, я не могъ его слышать, хотя бы все отдалъ, чтобы его знать, отвѣчалъ Фридрихъ.

— Она говорила мнѣ, что вы никогда не обижали ее, защищала васъ, и сказала, что, напротивъ того, она вамъ очень благодарна.

— Прошу васъ, мистеръ Манверсъ, не говорить ничего о благодарности вашей дочери; она мнѣ ничѣмъ не обязана, сказалъ Фридрихъ, прерывая его.

Нѣсколько времени они шли молча. Наконецъ Манверсъ сказалъ:

— Я не берусь читать въ сердцѣ Еллы, хотя она и моя дочь; но увѣряю васъ, что вы найдете во мнѣ искренняго друга. Я же вполнѣ удовлетворенъ испытаніемъ, которое вы выдержали, и съ радостью назову васъ своимъ сыномъ безъ пробныхъ трехъ лѣтъ, если только сердце Еллы принадлежитъ вамъ.

— Благодарю, благодарю васъ, сэръ, сказалъ Фридрихъ, сжимая его руку. Эти слова, въ другое время, привели бы меня въ вос-

торгъ, но теперь я только и думаю о томъ, что слышалъ сегодня отъ вашей дочери.

— Но вашъ долгъ, Фридрихъ?

— Да, да! я его никогда не забуду.

— Это хорошо, помня и исполняя ваши обязанности, вы пріобрѣтете прочное спокойствіе, которое не будетъ находиться въ зависимости отъ жизненныхъ треволненій или отъ дѣйствій другихъ. Такъ какъ вы хотѣли сегодня идти къ управляющему морскимъ министерствомъ, который мой старинный другъ, то я приготовилъ рекомендательное письмо къ нему, которое и оставилъ на моемъ письменномъ столѣ. Я убѣжденъ, что, имѣя это письмо, вы скорѣе достигнете исполненія вашихъ желаній. Вы никого не встрѣтите въ моей комнатѣ, прибавилъ онъ, замѣтивъ нерѣшительность Фридриха. Елла ушла въ свою комнату еще при мнѣ.

Фридрихъ поблагодарилъ Манверса, и они расталисъ. Узнавъ, что Елла не согласна принять предложеніе его отца и не хочетъ погостить у нихъ, Фридрихъ пришелъ въ отчаянье. Но онъ не утерялъ еще власть надъ собою—побѣдилъ свои горькія чувства и, видимо успокоившись, направился къ гостинницѣ тихими шагами, съ задумчивымъ выраженіемъ лица, тогда какъ при выходѣ изъ нея всѣ его движенія доказывали сильное волненіе.

Встрѣтившись съ своимъ отцомъ, онъ обѣщалъ заѣхать за нимъ, возвращаясь изъ министерства. Придя въ гостинницу, онъ отправился въ свою комнату и тамъ предался мечтамъ объ Еллѣ. Живо представилось ему, какъ она стояла у постели умирающей негритянки, утѣшала свою бабушку, поведеніе ея на островѣ у Лафита, которое не дозволяло пиратамъ прибѣгнуть, относительно ея, къ тѣмъ невоздержаннымъ шуткамъ, которыя они позволяли себѣ съ другими. Вспомнилъ онъ, какъ горячо благодарила его Елла за освобожденіе изъ рукъ разбойниковъ, и ему показалось, что съ этихъ именно поръ она какъ будто старалась отъ него отдалиться и сдѣлалась еще болѣе осторожною въ обращеніи съ нимъ. Онъ не сомнѣвался болѣе, что она замѣтила его любовь къ ней, и, не бывъ въ состояніи отвѣчать, старалась настоящимъ своимъ поведеніемъ остановить дальнѣйшія его надежды. Фридрихъ не только не осуждалъ ее за это, но сталъ еще болѣе уважать. Онъ любилъ Еллу искренно, и потому желалъ ей отъ души полнѣйшаго счастія, кто бы ни далъ бы ей его. Долго боролся Фридрихъ съ своими чувствами, прежде, чѣмъ дошелъ до такого заключенія.

Пробило двѣнадцать часовъ, и Фридрихъ вспомнилъ, что ему нужно идти въ министерство; поэтому, захвативъ съ собой тѣ рекомендательныя письма, которыя далъ ему и Артуру капитанъ, онъ отправился въ комнату Манверса за запиской. Зная, со словъ Манверса, что въ комнатѣ никого не должно быть, онъ вошелъ туда, не спрашивая позволенія. Дверь отворилась безъ шума, и онъ опять очутился въ той комнатѣ, въ которой еще утромъ былъ нанесенъ ему такой жестокій ударъ. Предъ нимъ была Елла.

Мистеръ Манверсъ справедливо сказалъ Фридриху, что Елла еще при немъ ушла въ свою комнату; онъ также справедливо предполагалъ, что она не выйдетъ изъ своей комнаты до его возвращенія.

Но Еллѣ захотѣлось написать письмо и, не имѣя къ тому необходимыхъ принадлежностей, которыя не были еще вынуты изъ ея чемодана, она отправилась въ гостинную, гдѣ надѣялась найти чернильницу. На столѣ, къ которому она подошла, лежала записка, адресъ которой привлекъ ея вниманіе. Взявъ ее, она сѣла и, глядя на нее, задумалась такъ же, какъ и Фридрихъ нѣсколько минутъ тому назадъ. Слезы навернулись у ней на глаза. Въ такомъ-то положеніи нашелъ ее Фридрихъ.

Если бы не эти слезы , онъ удалился бы прежде, чѣмъ былъ замѣченъ ею; но видя ихъ, онъ остановился въ нерѣшимости. Елла подняла глаза и, встрѣтивъ Фридриха, уди-

вилась и невольно вырвалось у нея его имя. Она сконфузилась и поспѣшно направилась къ противуположной двери. Записка, бывшая у нея въ рукахъ, упала на полъ; Стэнли поднялъ ее: на ней было написано его имя. Это имя, положеніе Еллы, ея слезы — убѣдили его окончательно въ справедливости его предположеній относительно ея чувствъ; но онъ чувствовалъ потребность разсказать ей о той борьбѣ, которую онъ претерпѣлъ со своими чувствами, передать ей тѣ мысли, которыя толпились въ его головѣ, когда онъ, нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, сидѣлъ въ своей комнатѣ... онъ рѣшился наконецъ заговорить съ Еллою.

— Миссъ Манверсъ, умоляю васъ, не оставляйте меня такъ. Позвольте сказать вамъ нѣсколько словъ, прежде чѣмъ мы разстанемся на долго, а можетъ быть и на всегда.

Елла остановилась въ нерѣшимости. Фридрихъ продолжалъ:

— Сегодня утромъ я случайно слышалъ вашъ разговоръ съ вашимъ батюшкой; слышалъ, какъ вы отказались ѣхать въ мой домъ. Теперь я нахожу васъ въ слезахъ. Я думаю, что понимаю причину вашего отказа.

Если бы Стэнли не былъ такъ взволнованъ, онъ изумился бы, увидѣвъ, какое дѣйствіе произвели его слова на Еллу. Слезы высохли на ея щекахъ; голова, наклоненная въ болѣзненномъ замѣшательствѣ, при входѣ его въ комнату, поднялась теперь, и въ глазахъ видна была гордость, — выраженіе далеко неподходящее къ ихъ обычной мягкости. Фридрихъ ничего этого не замѣтилъ и продолжалъ:

— Приказаніе вашего отца не говорить съ вами о моихъ чувствахъ не дозволяли мнѣ высказываться. Я думаю, что вы замѣтили мою любовь къ вамъ и, не будучи кокеткой, старались своимъ поведеніемъ остановить дальнѣйшее развитіе этого чувства, такъ какъ не можете отвѣчать мнѣ. — Поэтому-то и хотите вы отстранить всякую возможность еще большаго сближенія, которое неизбѣжно при жизни въ одномъ домѣ, подъ одною крышей.—По вашимъ слезамъ я вижу, что вы имѣете состраданіе ко мнѣ. — Не такъ ли? Фридрихъ остановился; онъ ожидалъ подтвержденія своихъ словъ.

Елла все ниже и ниже наклоняла свою голову. Непривычное выраженіе гордости давно уже сошло съ ея лица. Шепотомъ, едва слышно проговорила она.

— О, нѣтъ, мистеръ Стэнли! Я не знала... Она внезапно остановилась.

— Нѣтъ? воскликнулъ Фридрихъ; нѣтъ! Такъ почему же эти слезы? зачѣмъ же отказывались вы ѣхать къ намъ?

— Не будетъ ли это слишкомъ эгоистично, мистеръ Стэнли, непремѣнно считать себя причиною отказа?... Я не знала, продолжала также ласково Елла, что... что... вы желали, чтобы я ѣхала въ вашъ домъ.

— Не знали, что я желалъ, чтобы вы ѣхали?.. Неужели чувства мои такъ хорошо были скрыты?.. Теперь же, Елла, когда вы знаете, какъ сильно желаю я этого... поѣдете ли вы?

Мы не знаемъ скоро ли согласилась Елла на просьбу Фридриха, — но дѣло въ томъ, что она не только согласилась, но изъявила къ тому же желаніе перемѣнить свою фамилію Манверсъ на Стэнли, если только ея отецъ это позволитъ.

Между тѣмъ Манверсъ оставилъ должность раньше обыкновеннаго, чтобы провести лишній часъ со своею дочерью. На дорогѣ встрѣтилъ онъ полковника Стэнли, который искалъ своего сына, удивляясь, что тотъ не заходилъ за нимъ. Манверсъ нанялъ экипажъ и пригласилъ Стэнли ѣхать съ нимъ вмѣстѣ. Они поѣхали мимо морскаго министерства, думая захватить тамъ Фридриха. Но его тамъ не было. Они нашли его въ комнатѣ Манверса. Онъ былъ одинъ.

— Мнѣ кажется, Фридрихъ, сказалъ полковникъ Стэнли, что ты обѣщалъ зайти за мною послѣ свиданія съ управляющимъ министерствомъ.

— Извините меня, батюшка, отвѣчалъ Фридрихъ; я былъ такъ занятъ, что дѣйствительно забылъ зайти за вами.

— Ну, что же сказалъ онъ, Фридрихъ? спросилъ Манверсъ.

— Она сказала, что поѣдетъ къ намъ въ гости; отвѣчалъ Фридрихъ.

— Кто?! Управляющій министерствомъ поѣдетъ къ вамъ гостить?

— О, нѣтъ; пробормоталъ Фридрихъ, все болѣе и болѣе краснѣя; я не видѣлъ секретаря; я говорю объ Еллѣ.

— Елла поѣдетъ... Но скажите, пожалуйста, узнали вы о причинѣ сегодняшняго отказа? спросилъ Манверсъ.

— Она не знала, что я желалъ, чтобы она ѣхала, отвѣчалъ Фридрихъ.

Полковникъ Стэнли и Манверсъ посмотрѣли другъ на друга и громко засмѣялись. Этотъ смѣхъ разбудилъ отуманеннаго Фридриха. Онъ разсказалъ откровенно все происходившее и попросилъ благословить его на бракъ съ Еллою. Стэнли и Манверсъ съ радостью благословили его.

Оставшись наединѣ съ отцомъ, Фридрихъ разсказалъ всѣ обстоятельства любви своей, свои сомнѣнія, утреннее разочарованіе, отчаяніе быть когда нибудь взаимно любимымъ Еллою, чего онъ такъ сильно желалъ.

— Я радъ, Фридрихъ, сказалъ полковникъ, выслушавъ его; — я радъ, что ты испыталъ все это, потому что ты знаешь теперь, что нѣтъ чувствъ, самыхъ сильныхъ, которыхъ человѣкъ не могъ бы побѣдить.

ГЛАВА XXI.

Мистеръ Манверсъ проводилъ Фридриха въ министерство. Впрочемъ его рекомендація оказалась тамъ ненужною. Капитанъ брига, на которомъ служилъ Фридрихъ, такъ хвалилъ его и Артура, что и безъ того обѣщано было сдѣлать для нихъ все, что можно. Относительно Артура было прибавлено, чтобы онъ отказался отъ своего назначенія, если его здоровье будетъ слабо и онъ не въ состояніи будетъ исполнять своихъ обязанностей.

Дѣло, заставившее Фридриха ѣхать въ Вашингтонъ, было кончено, и онъ поспѣшилъ на другой же день отправиться въ Балтимору, объявить Артуру объ успѣхѣ ихъ предпріятія. Отецъ его остался по дѣламъ въ Вашингтонѣ еще на недѣлю, послѣ которой Елла дала слово отправиться къ нимъ. Тотчасъ же по пріѣздѣ Фридриха въ Балтимору Артуръ отправился вмѣстѣ съ другомъ домой, къ своимъ роднымъ.

Они ѣхали очень долго, такъ какъ отправились въ почтовой каретѣ. Не смотря на медленность, путешествіе казалось имъ весьма пріятнымъ. Они ѣхали по знакомымъ мѣстамъ. Сколько свѣтлыхъ воспоминаній было соединено съ этими мѣстами! Частыя деревни и города, рѣки, сверкавшія между крутыми и скалистыми берегами, поля, покрытыя зрѣющими колосьями — все это напоминало имъ ихъ дѣтство. Имъ нравились теперь эти мѣста также и потому, что они представляли совершенную противуположность съ низкими болотистыми берегами и дикими лѣсами юга. Все это имѣло благотворное вліяніе на Фридриха, но Артуръ былъ мраченъ. Онъ возвращался домой страдальцемъ, чтобы найти себѣ утѣшеніе подлѣ своей матери, тогда какъ мать имѣла право искать опоры въ *немъ*. И онъ былъ обязанъ этимъ своей опрометчивости!

Бываютъ минуты, когда вопросы: „зачѣмъ мы живемъ? какая цѣль нашего существованія?“ невольно тѣснятся въ нашей головѣ и требуютъ себѣ отвѣта. Что могъ отвѣчать на это Артуръ?

Онъ жилъ для себя; онъ не создалъ себѣ другой цѣли для существованія, кромѣ минутнаго удовольствія, воспоминаніе о которомъ не давало пищи ни уму, ни сердцу.

Эти мысли однажды вечеромъ высказалъ онъ Фридриху. „Отчего это такъ случилось,

Фридрихъ? спросилъ Артуръ. Я не думаю, чтобы въ этомъ была виновата природа, такъ какъ въ дѣтствѣ я рѣдко находилъ себѣ равнаго, какъ въ умственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи. Да, рѣдко — равнаго и никогда — побѣдителя! Вы помните, какъ я хлестнулъ васъ, прибавилъ онъ веселѣе, въ нашемъ первомъ и единственномъ единоборствѣ?

— Да, Артуръ, помню; и это пораженіе сдѣлало больше, чѣмъ могли сдѣлать двадцать побѣдъ. Оно заставило меня спросить себя, что составляетъ истинное мужество, которое возвышаетъ человѣка, и, руководимый отцемъ моимъ, я дошелъ до заключенія, что истинное мужество состоитъ не въ побѣдѣ надъ другими (что зависитъ отъ постороннихъ обстоятельствъ, часто неимѣющихъ отношенія къ личности побѣдителя), а надъ самимъ собою. Тому, кто управляетъ другими, сказалъ мнѣ однажды отецъ, тому можно удивляться; но кто управляетъ самимъ собою, — тотъ заслуживаетъ глубокаго уваженія.

Артуръ задумался.

Письма, посланныя нашими путешественниками о скоромъ ихъ пріѣздѣ, были получены за нѣсколько дней до ихъ прибытія. Мистриссъ Мэсонъ приготовила все, что могла только выдумать ея материнская нѣжность, чтобы доставить всѣ удобства своему раненому сыну. Она разсчитала дни его путешествія; а въ послѣдній день она слѣдила за часами, минутами и даже секундами. Шумъ проѣзжавшихъ экипажей заставлялъ ее переходить отъ окна къ окну, которыя были обращены на ту улицу, по которой наши путешественники должны были проѣхать. Начинало смеркаться, когда она увидѣла медленно приближавшуюся къ ея дому карету. Сердце ея болѣзненно забилось. Изнемогая отъ душевныхъ волненій, она прислонилась головою къ окну, у котораго стояла. Молодой человѣкъ отворилъ дверцы и выпрыгнулъ изъ кареты. Неужели это Артуръ? подумала она. Она не могла видѣть, — туманъ застилалъ ея глаза; но она чувствовала, что это не онъ. Опустили подножку и изъ кареты показалась слабая и худая фигура Артура. Тяжело опираясь на товарища, онъ вошелъ въ домъ, поворотилъ въ ту комнату, гдѣ была мистриссъ Мэсонъ, которая не могла двинуться съ мѣста, подошелъ неслышными шагами къ дивану и, опустившись на него, тихо сказалъ: „матушка“! Быстро обвила она его шею руками. Голова его опустилась на ея грудь, которая въ дѣтствѣ была его колыбелью; рука ея, прикосновеніе которой онъ чувствовалъ въ бреду горячки, съ любовью отодвинула волоса съ его впалыхъ висковъ. Фридрихъ слышалъ глубокія рыданія сына, смѣшивающіяся съ успокоительными рѣчами матери: Мой возлюбленный Артуръ! мой милый, мой единственный сынъ! говорила она.

Въ другомъ домѣ, домѣ Стэнли, тоже были приготовленія. Ожидали Фридриха. Но эти ожиданія были радостныя. Здѣсь сидѣли также у окна мать и дочь. Занятія не шли у нихъ; онѣ поминутно посматривали въ окно. Наконецъ молодая дѣвушка положила въ сторону книгу, которую она читала вслухъ, чтобы какъ нибудь развлечься въ ожиданіи любимаго брата. „Матушка, я не могу болѣе читать. Если онъ пріѣдетъ сегодня, то пріѣдетъ скоро, очень скоро“. Мать не отвѣтила; ея глаза прикованы были къ приближающейся каретѣ. Карета остановилась.

Дѣвушка вскочила, побѣжала къ дверямъ, отворила ихъ и очутилась въ объятіяхъ брата.

— Братъ мой!

— Мэри, дорогая моя сестра! вотъ единственныя слова, которыя они могли проговорить. Пока она рыдала отъ радости, прислонившись къ двери, онъ быстро прошелъ впередъ въ комнату, гдѣ у окна видѣлъ свою мать. Въ одну минуту онъ былъ на колѣняхъ около нея.

— Матушка! благословите меня, матушка! съ помощью Бога, я сдержалъ мой обѣтъ! При этихъ словахъ мать опустилась со стула

и тоже встала на колѣна, прошептавъ: „Боже, благодарю тебя! Да будетъ Твое благословеніе на сынѣ моемъ!“

ГЛАВА XXII.

писавъ путь, по которому прошли наши герои, начиная съ ихъ дѣтства до зрѣлаго возраста, мы надѣемся, что возбудили въ читателяхъ участіе къ нимъ, и потому рѣшаемся сказать еще нѣсколько словъ о ихъ дальнѣйшей судьбѣ.

Управляющій морскимъ министерствомъ не забылъ своего обѣщанія и исполнилъ его въ точности. Менѣе, чѣмъ чрезъ мѣсяцъ, Артуръ и Фридрихъ получили приказъ явиться на службу. Они немедленно повиновались. Артуръ быстро поправился подъ благотворнымъ вліяніемъ климата его родины. Только мать его находила, что онъ поступаетъ неблагоразумно, принимая свое назначеніе. Друзья отправились на другой корабль, къ новому начальнику; они были весьма довольны этимъ, потому что корабль, на который ихъ теперь назначили, первый встрѣтилъ непріятеля. Англичане, не смотря на искуство и храбрость своихъ солдатъ, потерпѣли полное пораженіе. Артуръ Мэсонъ и Фридрихъ Стэнли особенно отличились въ этомъ сраженіи. Имена ихъ были упомянуты въ офиціальномъ донесеніи ихъ начальника правительству, и они были произведены въ лейтенанты.

Не смотря на то, что Артуръ достигалъ почестей, которыхъ онъ такъ жаждалъ,—онъ и тутъ не выдержалъ и снова поддался своимъ страстямъ.

Новый начальникъ Артура былъ справедливъ, но суровъ, и не пропускалъ, и не извинялъ опрометчивыхъ поступковъ Артура, до которыхъ часто доводилъ послѣдняго его необузданный характеръ. Не разъ дѣлалъ ему капитанъ строгіе выговоры, которыхъ Артуръ вполнѣ заслуживалъ. Объявляя ему о производствѣ, капитанъ хвалилъ весьма храбрость Артура, но порицалъ необузданный его характеръ, прибавивъ, что если онъ не будетъ и теперь удерживаться, то сдѣлается совершенно неспособнымъ выполнять обязанности начальника, званіе котораго онъ получалъ. Въ это время корабль стоялъ на рейдѣ для починки.

Артуръ, разсерженный справедливыми выговорами своего начальника, попросилъ или даже потребовалъ перевода на другой корабль, не желая служить подъ начальствомъ капитана. Его желаніе было исполнено; письмо его начальника къ управляющему министерствомъ заключало описаніе причинъ удаленія Артура, и благосклонность къ нему въ этомъ вѣдомствѣ уменьшилась, не смотря на храбрость, выказанную имъ недавно. Его старанія получить мѣсто въ морской службѣ были напрасны въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Наконецъ просьба прежняго его начальника доставила Артуру мѣсто на кораблѣ капитана Б.

Однако онъ не былъ такъ счастливъ, чтобы опять встрѣтиться съ непріятелемъ. Между тѣмъ корабль, который онъ такъ поспѣшно оставилъ, два раза вступалъ въ дѣло съ врагомъ. Разъ онъ захватилъ англійское судно; другой разъ совершилъ отступленіе отъ втрое сильнѣйшаго непріятеля, съ удивительнымъ хладнокровіемъ и ловкостью. Начальникъ Фридриха хвалилъ его за его хладнокровіе, такъ рѣдко встрѣчаемое въ его возрастѣ. Онъ опять былъ произведенъ. Въ доказательство высокаго вниманія къ нему правительства, промежуточные чины были пропущены и

Фридрихъ оставилъ свой корабль, чтобы принять подъ свое личное начальство другое судно, причемъ онъ произведенъ былъ въ капитаны.

Наступило 21-ое мая 18.. года. Миръ былъ заключенъ. Войска распущены, корабли оставлены. Вездѣ встрѣчались солдаты, возвращавшіеся на родину къ дорогимъ ихъ сердцу. 21-е мая было самымъ счастливымъ днемъ въ жизни Фридриха. Въ этотъ день онъ долженъ былъ получить публично доказательства признательности его роднаго штата за его храбрость и заслуги. Законодательное собраніе назначило поднести ему шпагу съ брилліантовыми украшеніями.

Около часу по полудни въ залѣ Собранія собралось нѣсколько сотъ человѣкъ, чтобы присутствовать при церемоніи. Туда пришли и старики, покрытые сѣдинами, и люди зрѣлаго возраста, и юноши, съ глазами, полными огня, и женщины. Между ними одинъ только былъ мраченъ; одинъ только не былъ счастливъ славою своихъ согражданъ. Онъ стоялъ въ самомъ отдаленномъ углу залы. Черные его волосы въ безпорядкѣ висятъ на нахмуренномъ лбѣ, его глаза опущены, по лицу его видно, что онъ занятъ болѣе внутреннимъ своимъ міромъ, чѣмъ окружающими его предметами. Это былъ Артуръ. Онъ въ гражданской одеждѣ. Ему кажется, что мундиръ лейтенанта послужитъ ему упрекомъ.

Вотъ входятъ женщины. Они привлекаютъ на себя особенное вниманіе. Одна изъ нихъ, пожилая, идетъ впереди; за нею слѣдуютъ молодыя ея подруги. Кто же онѣ? Старшая — мистрисъ Стэнли. Лицо ея не выказываетъ волненія; она не избѣгаетъ взглядовъ присутствующихъ. Одна изъ молодыхъ — это Мэри Стэнли. Она идетъ съ поднятою головою, съ гордымъ выраженіемъ лица. Она хороша собою, но едва ли такъ прелестна, какъ ея спутница, нѣжные каріе глаза которой опустились при входѣ въ залу; щеки ея зардѣлись, лицо ея сіяло счастіемъ. Это — Елла Стэнли, недавно перемѣнившая свою фамилію.

Входятъ знамѣнитейшіе граждане штатовъ, уполномоченные выразить благодарность и вручить даръ славному моряку. Они занимаютъ свои мѣста.

Но вотъ, двери снова отворяются; оркестръ начинаетъ играть гимнъ. „Онъ идетъ! побѣдоностный герой идетъ!“

Толпа мгновенно утихаетъ и жадно обращаетъ свой взоръ на медленно подходящихъ людей. Во главѣ ихъ идетъ возмужалый воинъ. Глаза его свѣтлы, выраженіе лица радостное и счастливое. Онъ въ мундирѣ капитана флота американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Это герой торжества — Фридрихъ Стэнли!

Около него идетъ его отецъ, въ мундирѣ генерала американской арміи. Между другими, провожающими его, находится и мистеръ Манверсъ. Они всходятъ на возвышеніе. Капитанъ Стэнли представился депутатамъ, которые встали при входѣ его. Одинъ изъ нихъ выдвинулся впередъ, взялъ лежавшую на столѣ богато отдѣланную шпагу, обратился къ Фридриху съ краснорѣчивою рѣчью, подалъ ему шпагу, какъ свидѣтельство благодарности государства тому, кто присоединилъ еще лавровую вѣтку къ его славѣ и защищалъ его права.

Выслушавъ столь лестное для себя привѣтствіе, Фридрихъ началъ говорить. Въ залѣ водворилось глубокое молчаніе. Фридрихъ говорилъ тихо и, не смотря на это, ни одно слово его не проронилось даже въ самомъ отдаленномъ углу. Его голосъ достигъ и до Артура. Щеки его раскраснѣлись, глаза заблистали. „Одно только помрачаетъ свѣтъ этого радостнаго дня, сэръ; — сожалѣніе, что не всѣ тѣ, которые вооружались за отечество, имѣли случай выказать свое мужество и патріотизмъ, ихъ одушевлявшій; въ особенности жалко, что одинъ изъ согражданъ, такъ долго бывшій моимъ товарищемъ на полѣ сраженія, но менѣе меня счастливый, въ особенности жалко, говорю я, что онъ не стоитъ теперь подлѣ меня.“

Сердце Артура облегчилось. Онъ счастливъ. Но вдругъ краска пропала съ лица его, и онъ, качая головою, проговорилъ про себя. „Да, менѣе счастливый, потому что менѣе достойный!“

Церемонія кончилась. Фридрихъ съ счастливою улыбкою посмотрѣлъ на мать, на сестру и на жену, остановилъ свой взоръ особенно долго на Еллѣ, и пошелъ отыскивать Артура. Артуръ вышелъ уже изъ зданія. Фридрихъ поспѣшилъ за нимъ. Толпа раздалась, давая дорогу герою. Догнавъ Артура, Фридрихъ пошелъ съ нимъ нѣкоторое время, тихо разговаривая. При прощаньи Фридрихъ спросилъ: „Увижу я васъ, Артуръ, сегодня на обѣдѣ?

Лобъ Артура покрылся мгновенно морщинами и онъ быстро отвѣтилъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, Фридрихъ, я не могу быть на немъ.

Лицо Стэнли сдѣлалось грустнымъ.

— Не думайте, Фридрихъ, продолжалъ Артуръ, чтобы я завидовалъ вашимъ успѣхамъ. Если бы ваши сегоднишнія слова были справедливы, еслибы я былъ убѣжденъ, что былъ только менѣе счастливъ, чѣмъ вы, но не менѣе достоинъ,— тогда я радовался бы сдѣланному вамъ пріему, оказанной вамъ чести, въ такой же степени, какъ, еслибы это сдѣлано было мнѣ самому. Меня унижаетъ мое малодушіе; меня унижаетъ, Фридрихъ, сознаніе, что я потерялъ случай побѣждать другихъ, не съумѣвши побѣдить самаго себя.

— Артуръ, милый Артуръ, начните же съ сегодняшняго дня достигать этой достойной побѣды. Побѣдите сегодня, ради меня, чувства, препятствующія вамъ быть около меня въ такой радостный день,

Глаза Артура заблистали, когда онъ взглянулъ на серьезное и задумчивое лице Фридриха. Схвативъ его руку, онъ сказалъ: „Вѣрный другъ мой, вы заслуживаете того, чтобы я это сдѣлалъ. Я буду на обѣдѣ.“

Артуръ сдержалъ свое слово. Прошедшая жизнь его показала ему, что природа и счастіе не послужатъ въ пользу тому, кто не умѣетъ владѣть собой. На этомъ закончимъ мы нашъ разсказъ. Не будемъ входить въ подробности жизни Фридриха. Она вся прошла въ радостяхъ. Привязанность къ нему Еллы была велика. Она видѣла въ немъ своего избавителя и друга. Довѣріе къ нему отца собственнаго и отца жены, матери, сестры и друга довершали его счастіе.

И такъ, читатели видятъ, что главнымъ условіемъ для прочнаго счастья человѣка должно служить умѣнье владѣть собой и съ хладнокровіемъ выдерживать удары судьбы, всѣ треволненія жизни, не поддаваясь имъ. Самообладаніе—вотъ въ чемъ состоитъ главное геройство каждаго.

КЪ МОИМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ.

Семь лѣтъ трудилась я, милые мои читатели, и какъ редакторъ-издательница лелѣяла и ростила мой журналъ „Семейные Вечера“, какъ любимое свое дитя, съ нескончаемыми вседневными заботами, и съ искреннимъ желаніемъ вести его къ постепенному усовершенствованію и развитію. На сколько я достигла своей цѣли—рѣшить должны вы, а не я; но эти труды и самая горячность, съ которою я вела мое дѣло, сильно потрясли мое здоровье, и я чувствую совершенную невозможность продолжать его на прежнихъ основаніяхъ.

Къ моему прискорбію должна вамъ сознаться, что, не смотря на всѣ денежныя пожертвованія, сдѣланныя мною въ нынѣшнемъ году, по возвращеніи моемъ изъ деревни, куда доктора послали меня отдохнуть и укрѣпиться силами, я нашла въ редакціи столько безпорядковъ, неисправностей, скажу больше, столько невозвратныхъ утратъ, что пришлось убѣдиться по опыту, что издавать журналъ можно только при веденіи дѣла самой лично, безъ посредниковъ, входя во всѣ малѣйшія

подробности, которыя ускользаютъ, да и не интересуютъ никого, кромѣ самаго добросовѣстнаго редактора-издателя.

Кто читаетъ книги, тотъ большею частію и въ умъ себѣ не беретъ, сколько труда сопряжено съ ихъ печатаніемъ, со всѣмъ матеріальнымъихъ производствомъ—а журналъ, особенно же дѣтскій и юношескій, требуетъ кромѣ этого самыя строгія всестороннія заботы, тѣмъ болѣе, что каждая его строчка на совѣсти и отвѣтственности редактора-издателя, если только онъ чувствуетъ всю важность взятой на себя добровольной обязанности. Видѣть и тутъ промахи, ошибки, неисправности крайне прискорбно. Мнѣ пришлось все это почувствовать нынче и сознаться самой себѣ, что оно непоправимо, невозвратно.

Любя „Семейные Вечера", я не могу впрочемъ разстаться съ ними, и по прежнему буду посвящать нашему юному поколѣнію всѣ мои труды, какъ сотрудница, и, передавая редакцію Софьѣ Сергѣевнѣ Кашпиревой, урожденной княжнѣ Урусовой, какъ женщинѣ съ болѣе молодыми и свѣжими силами, я имѣю полную надежду, что изданіе пойдетъ только къ лучшему. Любила и лелѣяла его *я одна*, а теперь любить его и лелѣять будемъ мы *вдвоемъ*. Съ своей стороны хвалить Софью Сергѣевну, не считаю себя въ правѣ, она съ такою любовью принимается за новую для нея общественную дѣятельность, такъ тепло сочувствуетъ высокой ея цѣли, что вѣроятно заслужитъ въ очень непродолжительномъ времени признательность своихъ читателей, и сроднится съ ними тѣми же чувствами, которыя и меня привязали такъ неизмѣнно къ моему изданію, и дали возможность получать со всѣхъ самыхъ отдаленныхъ концевъ Россіи, отъ людей и дѣтей мнѣ совершенно незнакомыхъ, множество прекрасныхъ писемъ, которыя останутся навсегда лучшими памятью и вознагражденіемъ за мои посильные труды.

Приготовивъ къ печатанію, третью часть моей „Крестьянской школы" и помѣщая ее въ журналѣ „Семейные Вечера" въ будущемъ 1870 году, я этимъ доказываю моимъ юнымъ читателямъ, что по прежнему хочу работать для нихъ, по прежнему готова дѣлиться съ ними своими способностями и дарованіемъ, если это можетъ принести хотя каплю пользы великому дѣлу юношескаго образованія. Въ этомъ была мечта и цѣль всей моей жизни, и я ее не оставлю, пока могу мыслить, работать и любить.

Марія Ростовская.

Редакція „Семейныхъ Вечеровъ" переведена въ Саперный переулокъ, въ домъ Мѣльникова. Остающіеся же экземпляры за прошедшіе года, продаются у Исакова, Базунова и у всѣхъ другихъ книгопродавцевъ по слѣдующимъ цѣнамъ безъ пересылки:

Младшій	возрастъ за	1865	годъ	4	руб.
Старшій	"	1865	"	4	"
Старшій	"	1866	"	5	"
Младшій	"	1867	"	5	"
Старшій	"	1867	"	5	"
Младшій	"	1868	"	5	"
Старшій	"	1868	"	5	"
Младшій	"	1869	"	5	"
Старшій	"	1869	"	5	"

Младшаго и Старшаго возраста за 1864 и Младшаго за 1866 годъ ни одного экземпляра не осталось.

Редакторъ-издательница М. Ростовская.

Дозволено цензурою, 8-го ноября 1869 г. С.-Петербургъ, типографія Майкова, въ д. Мин. Финан., на Дворц. площади.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

МЛАДШІЙ ВОЗРАСТЪ.

1869 года.

ЯНВАРЬ.

Стр.

Жучка. Глава первая. Находка. Глава вторая. Друзья дѣтей. Глава третья. Пастухъ. Глава четвертая. Богомолье. М. Ростовской 1
Медвѣдь. П. Р—ва 25
Ферма подъ Липами (разсказъ Шмита). 29
Фонарщикъ (продолженіе). 39

ФЕВРАЛЬ.

Жучка (продолженіе). Глава пятая. Назыръ и раненый солдатъ. Глава шестая. Хижицы. Встрѣча образа 43
Босоногая пташка (съ англійскаго). . . 57
Житіе святыхъ Кирилла и Меѳодія . . 64
Ферма подъ Липами (продолженіе) . . . 73
Фонарщикъ (продолженіе) 82
Дымъ и золото 85

МАРТЪ.

Жучка (продолженіе). Глава седьмая. Жучка пропала. Глава восьмая. Возвращеніе въ Лебяжье 87
Босоногая пташка (окончаніе) 99
Свѣтлякъ (съ французскаго) 105
Ферма подъ Липами (окончаніе) 108

Стр.

Фонарщикъ (продолженіе). 118
Страшная борьба съ тиграми. 124

АПРѢЛЬ.

Кладъ, сказка 127
Фонарщикъ (продолженіе). 133
Утята, разсказъ въ стихахъ М. Ростовской 142
Твердая надежда (съ англійскаго) . . . 145
Чай, сахаръ и кофе 160
Чулки 165

МАЙ.

Флейщикъ 167
Фонарщикъ (продолженіе) 174
Общая зараза. Комедія для дѣтей, Е. Клевецкой. 182
Рѣка Миссисипи. А. С—ва 192
Аньхенъ, разсказъ съ нѣмецкаго 196
Александровская колона, А. С. 207

ІЮНЬ.

Флейщикъ (окончаніе) 209
Фонарщикъ (окончаніе) 215
Волга 224
Хлопчатникъ. С. 233
Ральфъ Мильбурнъ (съ англійскаго) . . 235

ІЮЛЬ.

Стр.

Мартышка и Кошечка, басня, М. Ростовской 249
Физика вездѣ 251
Кошкѣ игрушки, а Мышкамъ слезки. С. Соболевой 260
Бури на море и спасительные маяки. . 276
Въ чемъ геройство? (съ англійскаго) . . 279

АВГУСТЪ.

Соборъ св. Софіи въ Новгородѣ, Е. Б. 289
Физика вездѣ (окончаніе) 296
Кошкѣ игрушки, а Мышкамъ слезки. (окончаніе) 307
Дѣти (съ натуры) 323
Въ чемъ геройство (продолженіе) . . . 325

СЕНТЯБРЬ.

Таня — „Божья дитя" 331
Мѣсяцъ въ Саксонской Швейцаріи . . . 341
Дѣти (съ натуры) 351
Гейсоръ или кипучій ключь 352
Въ чемъ геройство? (продолженіе) . . . 354

ОКТЯБРЬ.

Стр.

Воспоминаніе о путешествіи въ Крымъ. 371
Дѣти (съ натуры) 379
Мѣсяцъ въ Саксонской Швейцаріи (окончаніе) 380
О Мышкѣ Бѣляночкѣ. (Сказка) 389
Въ чемъ геройство? (продолженіе) . . . 393

НОЯБРЬ.

Увалень. С. Соболевой 412
Бѣдность людямъ не въ укоръ. Комедія для дѣтей. Е. Сысоевой 424
Пчела. Е. Суворовой 431
Въ чемъ геройство (продолженіе) . . . 437
Достопримѣчательные озера 449

ДЕКАБРЬ.

Петергофъ. С. П. В. 451
Старые часы. С. Соболевской 463
Христофоръ Колумбъ 474
Въ чемъ Геройство? (окончаніе) 480
Къ моимъ подписчикамъ, М. Ростовской. 491

Дозволено цензурою, 22-го ноября 1869 г. С.-Петербургъ, типографія Майкова, въ д. Мин. Финан., на Дворц. площади.

ПЕРЕПЛЕТНАЯ
Ф. БОРОДИНА
Коломенск у. Д. № 15.